

Синдром Миноптавра

Михаил
Учайкин

Деметриус
от

Михаил Учайкин
Синдром Минотавра

«ПАРАЛЛЕЛЬ»

Учайкин М.

Синдром Минотавра / М. Учайкин — «ПАРАЛЛЕЛЬ»,

ISBN 578-5-98901-141-4

Был ли Минотавр чудовищем? Или чудовищами были те, кто заперли его в Лабиринте. Или мы сами себя запираем в Лабиринте, самими же и созданным. Ариадна, няня одиннадцатилетней девочки, прочитав ей как-то миф на сон грядущий, решила сама в этом разобраться.

ISBN 578-5-98901-141-4

© Учайкин М.
© ПАРАЛЛЕЛЬ

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Михаил Учайкин

Синдром Минотавра

© Михаил Учайкин «Синдром Минотавра»

* * *

Глава 1

Наше время. Дом не маленький, но не дворец, в коттеджном поселке Орехово.

– Няня Аря, почитай мне мифы о древних греках и их богах, – попросила Таня, укладываясь в постель.

Девочке исполнилось уже одиннадцать лет, но она по-прежнему не засыпала без истории, рассказанной на ночь. Поначалу это были лишь сказки о принцессах и принцах, но в последнее время она пристрастилась совершенно к другим рассказам. Те вызывали у нее какое-то смутное томление в теле, а по ночам в сладких жарких снах она становилась главной героиней в них. Это ей невообразимо нравилось, и Таня просила почить еще и еще, где опять она была красива, сильна и неотразима, как Афина.

Няня, тридцатилетняя женщина, которая находилась рядом с девочкой неотступно почти с момента ее рождения, только вопросительно на нее взглянула – есть ли у той предпочтение, что конкретно хотела бы она услышать. Ее несколько не удивила просьба воспитанницы – в лице по истории как раз изучались древние греки. Она о Татьяне знала все или почти все, могла предугадать любое ее желание. Родители девочки дочерью интересовались гораздо меньше, чем ее нянька. Ариадна порой сравнивала себя с Ариной Родионовной, няней Пушкина, вот только сказки она не сочиняла, как та, а читала Танюше, благо в коттедже имелась шикарная библиотека, доставшаяся родителям девочки по наследству.

А вот у самой Ариадны родителей не было, точнее она их не помнила – те погибли в жуткой аварии, а ее, трехлетнюю кроху, от смерти, но не от увечий, спасли ремни безопасности. Ариадну вырастила и выучила бабушка, дав хорошее педагогическое образование, позволившее ей найти достойно оплачиваемую работу няней при новорожденной малышке. На другое хромой девятнадцатилетней девушке, молодой выпускнице колледжа в то время рассчитывать не приходилось. Она попыталась работать в школе сразу после получения диплома, но ученики невысокую с тихим спокойным голосом молоденькую учительницу английского воспринимали несколько неадекватно, если не сказать, странно. Пришлось уйти по собственному желанию, сразу, как только закончился учебный год.

Бабушка сильно переживала, на что они станут жить вдвоем, если Ариадна не найдет работу в ближайшее время. Как тут не запереживать, если сама она состарилась – на ее пенсию не прожить, как ни крути, слишком мала, а мыть полы, как когда-то, чтобы подзаработать, в ее возрасте уже не было ни сил, ни возможностей?

– Ничего-ничего, мы еще покувыркаемся, – успокаивала свою бабулю Ариадна, вернувшись с очередного собеседования, где ей вежливо отказали, прозрачно намекнув на уродства, мол, таких нам не надобно.

Она не обольщалась по поводу своей внешности и не пыталась искать работу помощника директора какой-нибудь фирмы. Хотя многие из бабушкиных знакомых говорили не раз, что она была бы хорошенькой, если бы не травма, сделавшая ее хромой, и шрам на лице, который со временем стал почти незаметен, но он не позволял ей активно шевелить правой стороной лица. И в продавцы дорога ей заказана – Ариадна не могла долго стоять на ногах опять-таки из-за травмы, полученной в детстве. Оставалось найти место в офисе, но и туда не очень хотели брать девушку с раздвоенной губой, и не помогало отличное знание двух иностранных языков.

И вдруг Ариадна случайно услышала от бабушкиной подружки, что у их общей знакомой родилась внучка, и ее родители, оба артисты театра, срочно ищут няню для своей малышки. Ребенок ребенком, хоть и желанный, а у них премьеры, гастроли, и они не хотят менять что-то в своей устоявшейся жизни только потому, что у них нечаянно появилась любимая дочь.

Ариадна причесалась, сделала легкий макияж, чтобы не выглядеть блеклой молью, надела свое лучшее платье и как бы между делом выпросив адрес счастливых родителей, отправилась в загородный коттедж.

Ее тут же приняли на работу без опыта и необходимых бумаг – лучшей рекомендацией оказалось то, что маленькая Танечка затихла, как только Ариадна взяла ее на руки, и все время, пока шло «собеседование» проспала, ни разу не подав голоса. Более того, новоявленную няню догнали у ворот и попросили вернуться, так как малышка раскричалась, как только ее передали снова в руки матери, и категорически отказывалась успокаиваться.

Работа оказалась непыльной, вполне по силам Ариадне, хотя порой приходилось работать без выходных и в ночную смену, и уже не она, а бабушка навещала ее, когда оба Таниных родителя одновременно отбывали на гастроли, – бабушка девочки, не доверяя себе, опасалась оставаться со своей внучкой один на один даже на два дня.

И никому не было дела до хромоты Ариадны и шрамов на ее лице после аварии – она прекрасно справлялась с работой, да и Таня любила ее ничуть не меньше, чем своих родителей, которых видела только изредка.

– Все, на сегодня хватит, – Ариадна захлопнула книгу «Легенды и мифы Древней Греции», даже закладку делать не стала – Таня завтра все равно попросит почитать не с того места, где они остановились. – У тебя все боги в голове перепутаются.

– Не перепутаются, – протянулась девочка, удобнее устраиваясь в постели и накрываясь одеялом. – Мы завтра с тобой все повторим, чтобы запомнить наверняка.

– Повторим, – улынулась Ариадна левым уголком рта, правый так и остался опущенным вниз. У нее со временем даже появилась привычка поворачиваться к собеседнику только левой половиной лица и смотреть на него одним глазом. И лишь на Таню она смотрела всегда двумя глазами, никогда не стесняясь своего приобретенного недостатка внешности, по сути, и ей, и девочке было все равно, как она выглядит – им было комфортно друг с другом.

Ариадна как-то случайно услышала, как Таня сказала своей однокласснице, что у нее самая красивая и самая добрая няня на свете, и она с ней ни за какие подарки не расстанется. Но порой ей все равно становилось тревожно – девочка подрастала, и в одно прекрасное время ей могли просто указать на дверь, сообщив, что больше в ее услугах няни не нуждаются. А это опять поиски работы только уже не молоденькой девушкой, легкой на подъем, а уже вполне состоявшейся женщиной, со своими взглядами на жизнь. С одной стороны, может, это и хорошо – доверия больше, опять же опыт, а с другой стороны, она уже не так молода и ей будет гораздо тяжелее справляться с маленьким ребенком, если ее снова примут на работу няней к грудничку или малышу. Оставалась еще одна проблема – всем подавай молодых да красивых. Не няней она себя уже не видела, впрочем, ничего другого и делать не умела – просто жила в чужой семье, просто воспитывала чужого ребенка вот уже почти одиннадцать лет, а о своем даже не мечтала. Кто на такую убогую внимание обратит, замуж возьмет? А без мужа она не рискнула бы обзавестись ребенком, хоть и очень хотелось. Хозяин, отец Тани, например, даже ни разу в ее сторону не взглянул, словно она пустое место, впрочем, не о нем речь – он красавчик, мачо, вокруг него такие красотки вились, обзавидуешься, что коллеги по театру, что фанатки. А на Ариадну не смотрели мужчины ни на улице, ни в общественном транспорте, только старушки порой качали сочувственно головой вслед. Только не нужно ей их сочувствие.

– Спокойной ночи.

Ариадна поднялась с кресла, специально поставленного в спальне Тани для того, чтобы няня читала сказки девочке на ночь – та стала требовать истории про принцессную жизнь, как только произнесла первые слова. Ариадна подошла к кровати и, наклонившись к своей воспитаннице, поцеловала ее в лоб, а потом в щеку – эта была еще одна из ее привычек, появившаяся когда Таня первый раз заболела – целуя девочку в лобик, она лучше любого градусника определяла, есть ли у той температура.

– Спокойной, спокойной, – отмахнулась Таня, отворачиваясь к стене. Ей казалось, что она выросла, но няня со своими ежевечерними поцелуями не давала почувствовать себя взрослой, да и томление в теле сразу проходило после ее таких почти материнских прикосновений. Но потом Таня всегда поворачивалась лицом к Ариадне и, пока та не выключила свет в комнате, нежно ей улыбалась. А кому, спрашивается, еще, если родители к ней заходили очень редко, чтобы пожелать спокойной ночи?

Сильно припадая на правую ногу, Ариадна тяжело прохромала по коридору в свою комнату – к вечеру она уставала, так как в доме не пользовалась тростью – хозяева не разрешали. Им, видите ли, мешал стук палки по полу, когда они бывали дома, а когда их не было, то по другой причине – наконечник трости портил паркет.

Книжку, которую они читали с Таней, Ариадна не оставила у той в спальне – знала, девочка, заинтересовавшись, могла после ее ухода снова включить свет и, увлекшись, прочитать всю ночь. Только не на этот раз – Ариадна специально выбрала книгу на греческом языке, прекрасно иллюстрированную, в дорогом кожаном переплете известного зарубежного издательства. Пусть она и сама плохо владела греческим, но картинки в книге были такими говорящими, а текста так мало, что не составляло никакого труда пересказывать Тане истории о богах и героях, которые она помнила еще со студенческих времен.

На удивление, Ариадна сама вдруг заинтересовалась книгой. Греческие герои – она переворачивала страницу за страницей: – Ахилл, Аякс, Геракл, Одиссей, Персей, Тесей. На последнем имени вдруг что-то тревожно кольнуло в груди, и она задержала взгляд на странице...

IV век до новой эры. Дворец царя Миноса на острове Крит.

– Ариадна, немедленно отойди от Астерия.

Андрогей вышел из-за кустов и встал между братом и сестрой, закрывая собой последнюю.

– Хочешь своей да и моей смерти тоже? – нахмурился он, обращаясь к девочке. – Тебе мало того, что он с тобой сделал?

– Ты же знаешь, он не специально. Он просто не может рассчитать свою силу.

Ариадна выглянула из-за спины брата и показала Астерию язык, мол, не догнал, я выиграла – это все, на что она была теперь способна, хромота не позволяла ей догонять или убежать от него.

– Вот я тебя... Му-у! – издал тот победный клич, задрал к небу голову, увенчанную рогами, и двинулся на сестру, которая постоянно задирала его.

– Я же сказал, соблюдай спокойствие...

Андрогей сильными руками схватил брата за рога и прижал его бычьей морду к дорожке, посыпанную мелким морским песком.

– Не серди ни меня, ни отца, – произнес он с придыханием. – Не иначе, как снова в Лабиринт захотел.

– Отпусти его, – неожиданно вступилась Ариадна за Астерия. – Мы всего лишь играли. Вон и Федра, – она махнула рукой в сторону сестры, – не даст солгать.

– Играли, – подтвердила испуганно та попятившись.

В отличие от Ариадны Федра безумно боялась обоих братьев, особенно младшего, его приступов ярости и гнева, сильных рук, а особенно бычьей головы и острых рогов. Она никак не могла забыть, как однажды Астерий поднял Ариадну на руки и с силой швырнул ее со скалы в морскую пучину. Тогда они тоже только играли. Случай или боги тогда уберегли Ариадну от гибели – nereиды бережно вынесли ее израненную без признаков жизни на берег недалеко от дворца. Она долго выздоравливала, а Астерия в наказание заперли в Лабиринте, откуда он оглашал своим душераздирающим воплем окрестности, насмерть пугая всех, кто оказывался случайно рядом. Когда Ариадна снова встала на ноги и появилась на людях, стало ясно, что о

женихах она могла теперь только мечтать в своих снах. Астерий, испугавшись того, что натворил, на некоторое время притих. Только где там? В свои одиннадцать лет он продолжал оставаться глупым мальчишкой, хотя был уже сильнее любого взрослого мужчины. Шептались во дворце, что Астерий не сын царя Миноса, как его единоутробные брат и сестры, а сын самого Посейдона, только поэтому морские нимфы помогли Ариадне. Но слухи оставались только слухами. Не мог отцом Астерия оказаться Посейдон, ведь тогда бог являлся бы и отцом его сестры-близнеца Ариадны. А она ничем от обычных девочек не отличалась. Разве только необычайной добротой, но доброта – редко встречающееся качество у богов.

Андрогей покачал головой, отпуская брата, заниматься сестрами и Астерием у него не было времени – он уже взрослый и ему надо готовиться к Панафинейским состязаниям в Аттике.

– Почему он тебя запугивает Лабиринтом? – спросила Ариадна, нежно обнимая брата за могучие плечи и целуя его в бычью морду? Он никогда не был ей неприятен.

– Там темно и страшно, – Астерий зябко повел плечами, – можно заблудиться и никогда не найти выход.

– Неправда твоя, – подмигнула ему Ариадна левым глазом – после падения со скалы правая часть лица у нее оставалась неподвижной, хоть плакала она, хоть веселилась. – Я научу тебя, как выбираться из Лабиринта. Мастер Дедал умен, но и я кое-что могу.

Астерий громко расхохотался, пугая теперь уже своим смехом младшую сестру Федру. Он обожал наблюдать появляющийся страх в ее глазах, но только в ее. Если бы Ариадна хоть раз его испугалась, наверное, он сошел бы с ума. Нет, ему нужна от нее только любовь, истинное чувство.

– К нам мама идет.

Ариадна отстранилась от Астерия, заметив среди деревьев солнечное сияние, поправила задравшийся короткий хитон. Ей, конечно, попадет от матери, что она скачет глупой козочкой с братом по виноградникам в коротком наряде, босая с обнаженными ногами, как охотница Артемида. Но это ничто по сравнению с тем, что Астерия опять могут запереть в Лабиринте, ее поругают, и только. А без него сразу станет тоскливо – не в куклы же играть с сестрой?

– Андрогей наябедничал, – серьезно добавила Федра. Хоть ей и не очень нравились забавы, в которые ее вовлекали брат с сестрой, но без них приходилось важно ходить по дворцовым залам со скучающим видом или развлекать гостей пением. Последнее она не любила и не умела делать – боги обделили ее и голосом, и слухом.

При появлении Пасифаи все трое приняли смиренный вид.

– К нам гости, – произнесла мать слащавым голосом, не предвещавшим ничего хорошего. – Вы, двое, – она легко шлепнула девочек по спинам, – марш приводить себя в порядок и переодеваться.

Пасифая несильно потянула Ариадну за выбившуюся из прически прядку, та в ответ недовольно поморщилась.

– Ну а тебе, – она повернулась в сторону сына и грустно взглянула на него, – придется провести некоторое время в Лабиринте. Прости, сын.

– Мама, я не хочу, – Астерий отчаянно замотал рогами и, упав на колени, обнял мать за ноги. – Не надо. Я буду послушным, мама-а-а.

Но та лишь упрямо покачала головой – разговор бесполезен.

– Не заставляй меня применять силу, – строго сказала Пасифая. Не хватало, чтобы, появившись в пиршественной зале, ее чудовище-сын перепугал гостей. Она не раз подумывала о том, чтобы запереть его в Лабиринте навечно. – Возьми с собой все, что захочешь. И отправляйся сам добровольно.

Она подняла руки вверх, не решаясь обнять и приласкать младшего сына, которого любила ничуть не меньше, чем старшего, или девочек. Только признаться в этом не могла и

не хотела даже себе – так легче жить, когда все думают, что и она сама в ужасе от того, кого произвела на свет.

– Послушай, – сказала Пасифая ласково, – это всего на несколько дней. Гости долго не задержатся. Попрошу слуг, чтобы двери в Лабиринт запирать не стали, и Ариадна сможет прийти несколько раз к тебе.

Она освободилась от рук сына и собралась крикнуть стражу, чтобы того препроводили в его дворец – им совершенно точно не стоило видеть, как чудовище ее обнимает.

– Что, Ариадна? – девочка тут же примчалась назад, едва слышав свое имя.

– Если будешь послушной, – ответила Пасифая, – я разрешу тебе навестить Астерия в Лабиринте.

Ариадна тут же смиренно склонила голову – с матерью не поспоришь. Это отца можно уговорить, упросить, в конце концов, разрыдаться в его присутствии, и тогда он сдастся, а вот мать никогда не поверит ни обещаниям, ни слезам – истинная дочь своего отца Гелиоса.

– Не бойся ничего, собери чего-нибудь вкусненького и отправляйся в Лабиринт, – тихо шепнула Ариадна брату, проведя по его мускулистой руке кончиками своих пальцев. – От входа далеко не уходи, просто сядь на ступеньках под дверью и жди. Я приду быстро и будем играть.

Астерий кивнул – он верил только сестре, она никогда его не обманывала. Он поднялся с колен, даже песок не отряхнул и позволил увести себя тотчас страже, появившейся на дорожке по взмаху руки Пасифаи.

– Я приду и будем играть, – успела еще раз шепнуть Ариадна и приложила палец к губам...

Только скинув нарядный пеплос и подхватив корзинку с заморскими засахаренными фруктами, которые привезли на прибывшем корабле гости, Ариадна понеслась в сторону Лабиринта, взывая ко всем богам, чтобы только Астерий никуда не ушел. Каждый раз, когда его запирали, он пытался самостоятельно отыскать центральные покои в Лабиринте и каждый раз терялся. Она его, конечно, отыщет, но при этом потратит много времени, которое можно было бы провести с пользой, например, играя в прятки в огромном пустом дворце, где их только двое.

Но в кои веки Астерий не ослушался сестру и остался сидеть на ступенях, привалившись спиной к двери.

– Они меня все равно заперли, – сокрушенно пожаловался он Ариадне.

– Нет, – покачала та головой, – стража только подперла дверь палкой, чтобы она ненадолго не распахнулась, и при желании ты легко смог бы выбраться наружу. На этот раз ни матушка, ни ты не нарушили данных обещаний. И я рада несказанно этому.

– Ты тоже не нарушила, – Астерий поднял сестру на руки, собираясь усадить ее на плечи.

– Нет, нет, – запротестовала она. – Сегодня мы пойдем друг за другом, я первая, а ты за мной и будешь четко выполнять то, что я стану тебе говорить. Итак, кладем руку на стену.

И она положила свою ладонь на прохладный мрамор.

Астерий, не раздумывая, накрыл ее крошечную ладошку своей – он ей доверял во всем.

– Мы сейчас быстренько доберемся до большой колонной залы, там перекусим, можем даже поиграть, а потом...

– Быстренько? – хмыкнув, перебил сестру Астерий.

– Да, быстренько, – невозмутимо продолжила та, – при условии, что ты по-прежнему будешь меня слушаться. Тут идти-то всего ничего. Руку не отпускай – в этом заключен весь принцип лабиринта. Запомни, только так ты сможешь найти вход в Лабиринт и выход из него.

– А что, есть и выход? – переспросил Астерий.

– Конечно, – кивнула Ариадна, – с одной стороны – вход, с другой – выход, как положено, посередине – твоя царственная зала, а по периметру – несколько колонных залов. А вот окон нет, только витражи из темного стекла, и осветить всю эту красоту можно масляными лампами.

Надо как-то найти, где они хранятся. Да, кстати, чуть не забыла, имеется еще и жертвенник. Он первым встретится на нашем с тобой пути.

– По-моему, мы идем в обратную сторону по этому же коридору, – проворчал Астерий, до этого внимательно слушавшийся сестру. – Я ногой на этот камешек уже наступал.

– В этом заключен принцип лабиринта, – повторила Ариадна. – Идти можно в любую сторону, но рукой надо держаться за стену все время, пока не дойдешь до нужного места. И руку менять нельзя. Хоть десять раз пройдем по этому коридору, пока не войдем в другой, так положено.

– Ой, жертвенник впереди светится, – изумленно проговорил Астерий.

– Положил руку на место, – приказала Ариадна, пытаясь придать своему голосу строгие нотки. – И не смей убирать ее со стены пока не дойдешь до места и не нарисуешь стрелки, куда ты шел и откуда пришел. Когда пойдешь дальше, не забудь ее стереть, иначе у тебя все стены будут испещрены знаками.

– Зачем? – недовольно фыркнул Астерий, но сестру не посмел послушаться и снова накрыл ее руку своей огромной ладонью.

– Таковы правила лабиринта, – произнесла Ариадна. – И никакой клубок тут не поможет, если ты не станешь их соблюдать. Да и молю клубок избит. Если даже тебе будет казаться, что вот он вход в нужное помещение, стоит только перейти коридор и сразу попадешь туда, никогда не смей этого делать, потому что ты можешь войти не с той стороны, чем идешь. И стрелку не забудь нарисовать.

– Как все хитро и заумно, – надулся Астерий. – Мне кажется, ты придумываешь.

– Ничего подобного, – вздохнула Ариадна. – Дедал был хитер, но и мы не глупцы.

– Мы? Неуверен, но ты точно умна и хитра, – произнес Астерий и свободной рукой ласково провел по волосам сестры.

Ариадна даже не дернулась, она только брату позволяла прикасаться к себе, гладить, обнимать. Слугам и тем не позволяла дотрагиваться до себя, а создание на голове прически для нее превращалось в пытку. Нет, все должны были находиться от нее на расстоянии вытянутой руки, а еще лучше дальше. Ну, иногда матери разрешала прикоснуться к себе, шлепнуть, дернуть за локон – матушка все же, приходилось терпеть. А вот прикосновения брата Ариадне были даже приятны, наверное, потому что он ее еще в утробе защищал от всех бед и напастей.

Наше время.

Ариадна вздрогнула и проснулась.

Книга с картинкой, где девушка идет по темному коридору, а за ней по пятам следует Минотавр, лежала у нее на груди – она и не заметила, как задремала. А это, похоже, был только сон.

Ариадна внимательно взглянула еще раз на иллюстрацию. Нет, нарисованное чудовище с бычьей головой не собиралось причинить вред той, что шла первой по Лабиринту – вон и пальцы их рук переплетены. Ариадна улыбнулась – еще в детстве ей казалось, что Минотавр не был чудовищем, скорее, он искал любви тех, кого ему привозили в качестве жертв из Афин. Это не он, а его отец был чудовищем, раз позволил сына запереть во дворце, названном Лабиринтом, и из которого практически невозможно было найти выход. Ну, да, его любимого сына Андрогее убили, вот он и отыгрывался на своих убийцах с помощью второго, нелюбимого, ребенка.

Нет, случись у нее дети, она ни за что не стала бы их делить на красивых и любимых и на тех, которые должны добиваться ее любви. Нет, нелюбимых детей не должно быть. Иначе не стоит и рожать их. Вон, Танечка, Ариадна грустно вздохнула – и красивая, и единственный ребенок в семье, только никому она не нужна, кроме нее, Ариадны, ее няни. Никому не поже-

лаешь быть такой любимой дочерью и внучкой. К ней самой бабушка и то чаще приезжает, чем к Танечке, пирожков домашних привозит, которыми Ариадна потчует свою воспитанницу.

О чем они говорили с ней перед сном? Ах, да, о лабиринте. Видимо, поэтому ей и приснилась эта сказка.

Ариадна убрала книгу, расстелила постель, но сон не все равно не шел.

Глава 2

IV век до новой эры. Дворец царя Миноса на острове Крит. Спустя семь лет.

– Отец, немедленно выпусти Астерия, – Ариадна в гневе даже топнула ногой. Она была полна решимости и, пока не добьется своего, уходить не собиралась. Это глупо запереть младшего брата и требовать дань для устрашения Афин.

– Не будь такой упрямой, – ласково попросил царь Минос свою дочь. От волнения его лицо покрылось испариной, темные глаза заблестели, но взгляд оставался отсутствующим, пустым – разговор с Ариадной давался ему с трудом. – Поверь ему в Лабиринте, во дворце, специально выстроенном для него, будет гораздо лучше. Пророчество...

– Какое пророчество? – нахмурилась девушка, голос ее задрожал. Ей не так давно тоже напороочили, что любимый брат погибнет в Лабиринте от руки ее любимого мужчины. Ей не хотелось лишаться ни одного, ни второго. К тому же она пока не знала, кто станет ее любимым мужчиной, и терять его не обретши было жалко вдвойне.

– Пророчество обыкновенное, как любое другое...

Царь Минос отвел взгляд в сторону. Казалось, что его невозможно чем-то удивить или напугать. Но он не прислушался к Мойрам в свое время, тщеславие затмило разум, и вот теперь вынужден горько оплакивать старшего сына Андрогее, которого ему уже никто не сможет вернуть. Лишиться же и второго сына, пусть тот и чудовище, пока чудовище, у него не было никакого желания. И теперь его сердце учащенно колотилось от страха за него – Мойры предсказывали, что Астерий обратится человеком, как только встретит девушку-афинянку, прекрасней которой не будет на всем белом свете и которая полюбит его в образе злобного чудовища. Но если он не будет соблюдать осторожность, когда избавится от бычьей морды, то погибнет от руки прекрасного юноши-афинянина. Только поэтому он наложил такую суровую дань на Афины – семь прекрасных дев и семь прекрасный юношей каждые семь лет. Кто же добровольно будет присылать своих красавиц дочерей и сыновей для жертвоприношений?

– Я могу его навестить хотя бы? – спросила Ариадна. Она расскажет брату про пророчество и попросит его потерпеть.

– Нет, – покачал головой царь Минос. – Нет, принцесса.

– Ну, почему? – Ариадна раздраженно прошла от одной колонны до другой.

– Ты не можешь ему ничего рассказать, иначе пророчество станет недействительным, – вздохнул Минос – весь его облик вызывал тревожное чувство. Он желал не только счастья сыну, но и дочери. И не мог выбрать, кто ему дороже, но оба одновременно они не могли быть счастливы. – А Мойры этого не любят.

– А мое пророчество? – раздраженно обернулась девушка.

Царь отчаянно замотал головой, он слышал, что предсказали ей старые дуры – но, честно говоря, ему вообще не хотелось думать об этом. Он уже давно решил, что прибывших девушек станет втайне от всех проводить в Лабиринт, и даже выстроил для этих целей подземный ход. Его дочери совершенно точно не стоит встречаться с афинянками, они ей разобьют сердце, эти красавицы девы – она станет завидовать им, а зависть – плохое чувство. А вот юношей царь решил сразу препровождать в свой дворец, чтобы Ариадна могла встретиться с ними в привычной для нее обстановке праздничной залы. И уж если ни один из них не обратит на нее внимания, то он найдет им вполне достойное применение.

Ариадна выбежала из дворца, так и не договорив с отцом. Это была уже не первая ее попытка добиться хотя бы свиданий с Астерием, но царь Минос оставался непреклонным. Она пробежала по парку, затем по винограднику и в изнеможении опустилась на утесе, пытаясь в голубой дали разглядеть парус корабля. Ариадна подтянула колени к подбородку и, обхватив

их, закачалась из стороны в сторону и застонала, словно ей было больно. Больно, конечно, было, но то была не физическая боль, как та, когда Астерий сбросил ее со скалы, а душевная.

– Ариадна, девочка моя, – Минос проследовал за своей дочерью на берег. Он дотронулся рукой до нее. Его рука казалась просто огромной на ее изящном плече. – Поверь, так надо.

Ариадна раздраженно дернулась от прикосновения, качнулась еще несколько раз, а потом кивнула расслабляясь. Раз надо, значит, надо. Пусть все идет своим чередом. Только с Астерием очень хотелось увидеться. Хоть жестом, хоть намеком предупредить его. Она обернулась и посмотрела на отца своими огромными глазами, полными тепла и любви. Под ее взглядом Минос смутился – он испытывал к своим детям и жене сильные и сложные чувства, остальной же мир просто презирал, по крайней мере, так выглядело со стороны.

– Ты думаешь, что эти семеро не станут кричать, кусаться, царапаться, рвать его кудри, как те девушки, которых ты приводил Астерию до этого, – спросила Ариадна.

– Эти не должны – они принесены ему в жертву, – улыбнулся царь. Он не стал говорить о тех семи юношах, которых должны привезти для дочери. Они тоже жертвы, принесенные для нее.

– Ты ждешь истинной любви от обреченных на смерть? – Ариадна озабоченно покачала головой. Нет, она в это не верила, но если отец надеется, что это сможет помочь Астерию, почему бы не попробовать. Если не в этот раз, то следующий. Но ждать долгих семь лет? – Отец, вними моей просьбе.

– Я весь во внимании...

– Не запускай всех красавиц сразу к брату...

– А как ты предлагаешь? – хмыкнул царь Минос. Он порой прислушиваться к разумным суждениям дочери, но только не в этот раз.

– По одной в год: семь дев – семь лет, – предложила Ариадна.

– Они же состарятся успеют, – рассмеялся Минос. – Пойдем, – он протянул руку дочери, – уже темнеет. Корабль сегодня не придет.

Логика в ее словах была – у Астерия было бы время лучше познакомиться с девушками, понравиться им, если приводить ему их по одной или по две. А как ее с юношами знакомить? Если по так же одному, то Ариадна точно состарится, так и не успев никому понравиться. А ведь она добрая, ласковая, нежная. Нет, только все сразу, семеро. Только так и не иначе: пусть дух соперничества поглотит их – она все же принцесса, а не рабыня...

Корабль с ценным грузом прибыл на Крит только неделю спустя. Избитый с потрепанными парусами он с трудом прорвался сквозь бурю, которая бушевала несколько дней в открытом море, пролившуюся над островом лишь ласковым летним дождем. Царь Эгей не прислал никаких подарков, решив, что семь прекрасных дев и семь не менее прекрасных юношей – уже сами по себе подарки. Прибывшие по одному покидали корабль, издавая при этом протяжный жалобный стон, подобный плачу раненного животного – так они прощались с родной землей, домом, напоминаям о котором служил только корабль, и ступали на чужую и, как все они считали, смертельную для них землю.

Девушек и юношей тут же разделили – одних переправили по тайному ходу в Лабиринт, а вторых в сопровождении стражи повели во дворец царя Миноса. Юноши переглядывались, пожимали плечами, но ни слова не произносили. Им ясно дали понять, что, во всяком случае, сегодня, в отличие от прибывших с ними девушек, они не станут жертвами злобного Минотавра.

Ариадна подлила масла в жертвенник и молитвенно сложила руки – она взывала к богам, прося только об одном, чтобы хоть одна из прибывших девушек обратила внимание на сильное тело и красивую душу, в отличие от лица, Астерия, и ни один из прибывших юношей даже не посмотрел в ее сторону. Брату первому надо стать человеком, чем ей выйти замуж. Что на нее смотреть? Она некрасива после падения со скалы, а хромота с каждым годом становилась все

более заметной. Она верила, что боги услышат ее молитвы – сильная впечатлительность, после доброты, была второй ее отличительной чертой. Ей никто не мешал разговаривать с богами – все, включая мать, отца и сестру Федру отправились встречать корабль.

– Надо девушке помочь, – Дионис подтолкнул стоявшую рядом Афродиту.

– Вот и помоги ей сам, – поморщилась богиня, – в ее случае я бессильна.

– Ой, ли, бессильна, – хихикнул Дионис. – А она мне нравится, – вдруг посерьезнел бог. – Не подпускай к ней приехавших юношей. Сам ей займусь, только не могу понять, о какой любви она просит.

– А ты прислушайся... – Афродита снова поморщилась. – Она просит не за себя, за брата. Но и в его случае история ничем не лучше.

– А-а-а, – протянул Дионис, – телку Минотавру любовь выпрашивает.

– Вот именно, что телку, – фыркнула Афродита, – ласковому нежному телку. А знаешь, – она рассмеялась, – от него до сих пор молоком пахнет. Как он может девушке понравиться?

– А ты сделай, чтобы понравился, – строго сказал Дионис. – У него такое красивое тело, чувственные черты его бычьей морды и светящийся взгляд. А голос мягкий и настойчивый. Пусть понравится, завлечет в любовные сети хоть одну. А я Ариадной займусь. И будет она моей. Зачем ей муж из смертных, если она...

Наше время. Дом в коттеджном поселке Орехово.

– Няня Аря, а не пойти ли нам погулять в парк, пока дождя нет.

Таня выскочила из своей спальни и перегородила Ариадне путь.

Та с трудом улыбнулась – пожалуй. Танюша права, прогуляться не помешало бы, чтобы немного развеяться после ночных кошмаров. Она проснулась, но сон как будто продолжался – перед глазамиплыли цветные обрывки сновидений. Алая кровь на белоснежных хитонах, разтерзанные тела, проломленные черепа. Ариадна несколько раз даже тряхнула головой – прогулка сейчас то, что ей нужно. К тому же осень стояла на удивление теплая и сухая – настоящее бабье лето. Зачем дома сидеть в выходные? Еще несколько дней, и могут зарядить дожди, а потом пойдет снег, и станет не до прогулок, особенно Ариадне с ее хромотой.

– А родители против не будут? – на всякий случай поинтересовалась она. Она про их отсутствие ничего не знала, ей сообщали редко, лишь в исключительных случаях. Может, они Тане позвонили?

– Не-а, – девочка снова исчезла в своей комнате. – Они не появятся дома еще несколько дней. Так я одеваюсь?

– Собирайся, – согласилась Ариадна. Она развернулась и направилась назад в свою комнату, чтобы тоже одеться соответствующим образом и сразу после завтрака поехать в парк. Выходного у нее снова не будет, вряд ли Танина бабушка приедет, чтобы побыть с внучкой. Она сейчас ей, Ариадне, перезвонит, извинится, что не смогла отложить встречу или посещение врача, к которому записалась на прием еще два месяца назад, неважно, причину, почему она не сможет побыть с Татьяной, найдет. Плохо другое, родители Тани не предупредили ее, Ариадну, что на выходных их дома не будет. Неприятно, что с ее желаниями и планами не считаются. А вдруг у нее тоже были дела?

По заведенному в доме правилу в огромной столовой принимала пищу только Татьяна в гордом одиночестве, весь обслуживающий персонал завтракал, как впрочем, и обедал, и ужинал на кухне.

– Федор, – попросила Ариадна водителя, – свози нас, пожалуйста, в парк.

Тот внимательно взглянул на часы и покачал головой.

– Туда отвезти могу, а обратно вам придется возвращаться или на общественном транспорте, или на такси. У меня с двенадцати ноль-ноль субботы до двенадцати ноль-ноль понедельника законные выходные.

– Федор, ну войди в наше положение...

Тот вытащил ключи из кармана и положил перед Ариадной.

– Права есть – вперед и с песнями.

И не поспоришь... Ариадне пришлось выучиться водить машину, так как по понедельникам ей самой приходилось отвозить свою воспитанницу в гимназию. Но одно дело – ездить раз в неделю по давно заученному маршруту, и другое – по городским пробкам.

– Ведь от сердца отрываешь, – улыбнулась Ариадна.

– Отрываю, – согласился водитель. Не только Танина няня, но и любой другой в доме, включая хозяев, знали, что у Федора обливалась душа кровью, когда он вынужден был отдавать ключи от Мерседеса кому-то еще, кто мог претендовать на место за рулем. Он был не просто водителем, но еще и механиком, доведшим творение баварский автостроителей до недостижимого совершенства. – Но выходные мне дороже. Я мог бы пожертвовать часом, в крайнем случае двумя, но я более чем уверен, что прогулка ваша затянется до вечера.

Федор, как и Ариадна, давно служил в доме и прекрасно знал привычки всех его обитателей.

– Довези хотя бы до парка, – попросила Ариадна. – А обратно мы как-нибудь на такси доберемся.

– Телефон не забудь, – добродушно улыбнулся водитель, зная, что та в самый ответственный момент забывала нужные вещи на тумбочке в своей спальне. И так, у него машину не забирали, а это то, что ему нужно – когда хозяева отсутствовали дома в выходные, автомобиль находился в его полном распоряжении, а он еще в прошлый раз пообещал жену и детей вывезти загород на пикник. Один недостаток – тогда в понедельник он должен был появиться не к двенадцати, как обычно, а с раннего утра. Но поездка с семьей на отдых стоила пары часов сна...

– Надо на всякий случай взять зонтик, – предложила Ариадна.

Но Таня в ответ лишь поморщилась: – В старые времена зонтик в руках говорил об отсутствии экипажа. А сейчас он будет кричать, что у нас с тобой нет автомобиля.

– Но нас на самом деле не будет дожидаться машина, а такси неизвестно как быстро подъедет, когда мы соберемся домой.

– И все же зонты мы с тобой брать не будем, – упрямо повторила Татьяна. – Они нам будут только мешать развлекаться. Я тебя знаю – будешь следить, чтобы ничего не пропало из вещей. Ты бы и сумку не брала, а растолкала самое необходимое по карманам. А во-вторых, если бы ты была чуточку наблюдательнее, то заметила бы капли на окне и на астрах на газоне. Ночью прошел легкий дождь, но сейчас он прекратился, и всю светит солнце. – Таня вздохнула полной грудью. – А какой воздух – он чистый и прозрачный, под стать нашим мыслям о прогулке.

На секунду Ариадне стало стыдно – она никогда не отдергивала плотные шторы на окнах в своей спальне и не выглядывала наружу. Зачем? Вся ее жизнь протекала в стенах дома, и, только собирая Танюшу на прогулку, она интересовалась, какая погода на дворе. Опять же, дождь там или снег, ее мало беспокоило – свежим воздухом дышали они с девочкой строго по расписанию, будь за стенами дома хоть ураган, надо было только одеться по погоде. И как ни странно, они обе предпочитали дождливую слякотную погоду – в такую мечталось лучше.

Но сегодня они шли на прогулку не за мечтами, а за развлечениями, по крайней мере, Таня, и ей нужна была солнечная погода. Зонт никак не вписывался в ее концепцию дня.

Ариадна все равно не послушалась своей воспитанницы, в конце концов, кто кого воспитывает, и в свою маленькую сумочку, не больше клатча, в компанию к кошельку и телефону с успехом запихнула старенький складной зонт – ей так удобнее, когда все в одном месте под рукой, и не надо ничего шарить по карманам...

Федор им сразу показал на часы, как только Ариадна с Таней появились на крыльце – они его задерживали. И только мысль, что он своих детей прокатит на Мерседесе, а не Тай-

оте-развалюхе, на которой ездила его жена по утрам на работу, не позволяла ему хоть капельку сердиться на хозяйскую дочь, которая все не могла выбрать, какие туфли подойдут к ее платью и легкой курточке.

Стоянка рядом с парком была сплошь заставлена машинами, Федор даже не стал на нее заезжать, а высадил своих пассажиров на противоположной стороне улицы, недалеко от перехода прямо напротив входа в парк.

– Кажется, мы в своих стремлениях не одиноки, – с грустью покачала головой Ариадна, со своей палкой с трудом поспевая за Татьяной в плотной толпе, которая, перейдя улицу, не разделилась на ручейки, а дружной рекой потекла туда же, куда и они.

– Погода сегодня слишком хорошая. Просто изумительный день, – многозначительно заметила девочка. – Перед затяжными дождями и грядущей зимой все решили напоследок оттянуться на полную катушку.

– Татьяна, что за слова? – Ариадна покачала головой. В ней запротестовал педагог – она совершенно не терпела, когда Таня выражалась, на ее взгляд, вульгарно. Ведь можно было сказать совершенно по-иному, например, перед тем как осень зарядит затяжными дождями и повернет на зиму, все решили получить свою долю положительных эмоций. Или еще как-нибудь. Ведь она же умная, начитанная девочка...

В кафе, где Ариадна с Таней собрались перекусить, перед барной стойкой, чтобы сделать заказ и получить жетон с номером, выстроилась огромная очередь в ожидании свободного столика.

Тима, Тимофея Кузнецова, Ариадна узнала сразу. Он учился в колледже на одном с ней курсе, только специализировался по детской психологии, не желая становиться простым учителем английского или словесности. Озноб пробежал по телу Ариадны, ей показалось, что она мгновенно продрогла до костей. Еще в студенчестве он ей казался возбуждающим, таинственным и романтичным, а теперь по прошествии стольких лет вдвойне.

Тим, обнимая за талию яркую брюнетку, вместе с ней обошел очередь и, не обращая ни на кого внимания, через голову Ариадны попросил бармена сделать им с девушкой по коктейлю.

– В очередь, пожалуйста, – буркнул тот недружелюбно. – Не видите, свободных мест за столиками нет.

– Мы не будем садиться за столик, – ответил с усмешкой Тим, – мы выпьем свои коктейли, не отходя от вас и вашей стойки.

– Не положено, – покачал головой бармен. – Просите очередных, если они вам возьмут коктейли вместе со своим заказом.

– Милая девушка, – обратился Тим к Татьяне, кокетливо улыбаясь, но в его улыбке не было ни капли тепла, не обращая при этом на Ариадну никакого внимания, словно та пустое место. Он выпустил из объятий свою спутницу и теперь все свое внимание направил на девочку, – ведь сейчас ваша очередь? Позвольте угостить вас вишневым коктейлем и бутербродами.

Таня кивнула – они с няней Арей уже собрались сделать заказ, но та никак не могла в своей сумке отыскать кошелек. А на банковской карте, как она призналась, у нее была совершенно небольшая сумма. Так что предложение обаятельного симпатичного мужчины оказалось весьма кстати.

– Я еще блинчик с икрой хочу, – сказала Татьяна. – А лучше два.

– Будут тебе и блинчики, – нисколько не смутившись, отозвался Тим и, оттерев Ариадну от девочки, взял ее за руку.

Он получил жетон с чеком от бармена и, подхватив брюнетку под локоток, повел ее и Таню к освободившемуся столику.

Ариадна себе купила лишь бутылку воды без газа и понуро поплелась за троицей – она была измучена, голодна и эмоционально опустошена. Она не стала признаваться девочке, что

какой-то ушлый воришка подрезал ее сумку, свободно болтавшуюся на плече, пока они бегали от аттракциона к аттракциону, и увел из нее не только кошелек, но и телефон, оставив лишь зонтик, который, скорее всего, в дырку просто не пролез. А может, чтобы она не сразу заметила, как полегчала ее сумка.

– Шут, – проворчала незлобно Ариадна, – фигляр. Каким ты был, таким и остался.

Она не могла долго сердиться на Тима. Он и раньше не смотрел на нее, а как бы сквозь нее. В конце концов, он же не знал, что она была в него влюблена в студенчестве. А сейчас в какой-то мере была ему даже благодарна за то, что он накормил ее воспитанницу. Она, Ариадна, перетерпела бы, но только не Таня, которая привыкла получать все и сразу. Она не смогла бы ей объяснить, что они лишились всех денег и поесть им не на что. Денег на карте, конечно, на коктейль и бутерброд для Тани хватило бы, но не на блинчик.

Ариадна вышла на улицу из духоты кафе. Она отошла немного от входа, чтобы не мешать входящим и выходящим, и открыла пластиковую бутылочку – вода оказалась теплой и на редкость абсолютно невкусной.

– А вот и твоя няня, – услышала она знакомый голос.

– Быстро вас обслужили, – грустно отозвалась Ариадна.

– Хм, а то ж, – радостно кивнул Тим. – Мне кажется, я с вами где-то раньше встречался.

«На лекциях сидели вместе, а еще ты у меня часто списывал», – устало улыбнулась Ариадна.

– Нет, нет, – потряс темными кудрями Тим, – я сейчас напрягусь и вспомню ваше имя.

– Подсказать? – игриво поинтересовалась Таня, по-прежнему не отходя от мужчины.

– Что-то очень старинное... – Тим покачал головой. – Я прав? Евдокия?

– А вот и нет, а вот и нет, – Таня запрыгала и захлопала в ладоши. – Но ход ваших мыслей мне понравился. Я теперь так и буду называть свою няню – няня Дуся.

Тим назвал еще несколько имен, рассмешив девочку, но все равно не угадал, а Таня не хотела открывать тайну, как зовут на самом деле ее няню.

– Может, уже пойдем, – подала голос брюнетка, которой надоела и вызывала только зевоту игра ее мужчины с совершенно незнакомой девочкой. За то, что та уступила им свою очередь, он ее угостил, а все остальное было лишним – она здесь главная, а не этот чужой ребенок.

– Да, – мгновенно посерьезнел Тим, при этом продолжая улыбаться, и, сразу же попрощавшись, чем вызвал недовольство Тани, потащил свою спутницу вглубь парка по одной из дорожек.

– У нас билеты еще остались? – спросила Татьяна, когда они остались одни.

Ариадна кивнула – она накупила сразу на все, куда могла попроситься ее воспитанница, чтобы не толкаться больше в очередях за билетами, а только развлекаться, развлекаться и развлекаться. Но сейчас, после кражи и встречи с Тимом, у нее совершенно не было никого желания, а главное, от отличного настроения не осталось ни следа...

Неизвестно, сколько бы она ловила такси – никто не останавливался возле нее с девочкой, – если бы Татьяна, крутившая головой по сторонам, не заметила Тима, усаживающего брюнетку в машину на стоянке.

– Тимофей! – закричала она и бросилась к нему, невзирая на строгие окрики своей няни. – Вызовите нам такси, пожалуйста. Моя няня Дуся свой телефон умудрилась посеять, авось взойдет, а не только кошелек. И у нас нет ни одного шанса добраться до дома – к нам общественный транспорт не ходит. Да и мелочи на проезд у нас нет. А пешком, если не попрем по дороге, за неделю доберемся.

– Садитесь, – Тим, открыв заднюю дверь, кивнул на машину, – быстро. Я вас отвезу.

Таня не стала себя долго упрашивать, она сразу же юркнула внутрь и устроилась на заднем сиденье. Ариадне волей-неволей пришлось тоже поспешить к машине Тима.

Глава 3

Ариадна не любила быстрой езды, в отличие от утверждения Гоголя. Ей хоть и было всего три года, когда она попала в аварию, в которой погибли ее родители, но память хранила все до мелочей, порой заставляя просыпаться в холодном поту. Сама она ездила медленно, да и Федор старался не мчаться по шоссе, когда в его машине находилась Ариадна, хоть она об этом не просила. Ему и без ее слов было понятно, что ей страшно до ужаса – она бледнела, поджимала бескровные губы в тонкую нитку и с силой стискивала пальцы на руках.

Она не могла смотреть фильмы с погонями на автомобилях и всякий раз пыталась уйти сама и увести Таню, когда родители девочки усаживались перед телевизором в гостиной, чтобы прокомментировать вслух передачу «Водить по-русски». Она не верила, что на кадрах, записанных видеорегистраторами, никто не пострадал. Не верила и все тут.

И Тим, словно почувствовав, что одной из его пассажиров не по себе, повел машину аккуратней – он практически не сбросил скорость, продолжив двигаться в потоке, да и на шоссе это сделать было невозможно, просто перестал перестраиваться из ряда в ряд, начал притормаживать заранее.

И Ариадна вскоре успокоилась, ее дыхание выровнялось, она совершенно перестала обращать внимание на пролетающий за окном пейзаж и даже смогла ответить на несколько ничего незначащих вопросов своей воспитанницы, а потом стала покачивать головой в такт негромкой музыки, звучащей в салоне.

Возле шлагбаума перед въездом в коттеджный поселок Орехово Тим остановил машину.

– Спасибо, – поблагодарила его Ариадна, собираясь вылезти наружу из автомобиля, но Таня запротестовала и, подскочив на ноги, обняла мужчину за шею.

– Мне хочется, чтобы Тимофей зашел к нам в гости.

– Танюша, – Ариадна мягко коснулась ее руки – она прекрасно знала, как вести себя с девочкой и могла всегда подобрать нужные слова, чтобы успокоить ее и заставить отказаться от своих намерений, – Тим, я хотела сказать Тимофей, любезно согласился довезти нас до дома, но это совершенно не означает, что у него найдется время, чтобы ознакомиться с коллекцией твоих черепашек. А за пять минут ты ему ничего не успеешь рассказать и показать.

У Тани задрожали губы – няня, как всегда, права, она не смогла бы привести Тимофея в свою неубранную спальню, по выходным ей приходилось это делать самой. Но сегодня они с Ариадной поспешили на прогулку, и она даже постель не удосужилась заправить. А черепашки хранились именно в ее комнате на стеллажах – самые разные: хрустальные, керамические, тряпочные, пластмассовые, начиная размером не больше наперстка и заканчивая деревянным пуфиком в виде черепахи с Галапагосских островов, и у каждой была своя неповторимая история. Друзья родителей привозили Татьяне черепашек в качестве сувениров из различных уголков Земли, так постепенно и собралась ее коллекция. Правда, родители считали это ничего незначащим хламом и как все ее игрушки, не разрешали выносить из комнаты.

– Ты права, – сказала она, стараясь не всхлипнуть ненароком, и отпустила Тима. – Но мое предложение остается в силе. Улица Сиреневая, дом двенадцать, – продолжила она, обратившись к мужчине.

Выбравшись из машины, Таня махнула Тиму рукой и вприпрыжку побежала по дороге – детское горе долгим не бывает. К тому же она еще вспомнила, что и угощать гостя, скорее всего, нечем, так как его не ждали, а обед приготовлен только для нее одной. Можно, пошарившись в холодильнике, отыскать балык, буженину или икру, но это все не то. Гораздо приятнее потчевать дорогого гостя пирогами, словно это она их испекла, или приготовленным на огне мясом. Все мужчины любят мясо – это известно даже детям.

– Приезжайте на шашлык, пока снег не пошел, – прокричала Таня вслед отъезжающей машине. Скорее всего, Тимофей ее не услышал, ну а вдруг у него было приоткрыто окно.

– Веди себя прилично, – Ариадна попыталась одернуть девочку, но в душе сама пожелала еще раз увидеться с Тимом...

– Он красив, как греческий бог или герой, – мечтательно произнесла Таня, когда после ужина они расположились в библиотеке, чтобы продолжить читать книгу. – Темные кудри. Он их не стрижет по последней моде, а позволяет виться локонам, как захотят. Как начнет лысеть или седесть, то сбреет их наголо. Я даже в этом не сомневаюсь, все мужчины так поступают. Они стесняются своей старости. Когда задумывается, хоть на мгновение, он запускает в них длинные пальцы и как будто дергает себя за вихры. А глаза не карие, как положено темноволосым мужчинам, а синие-синие, можно сказать, бездонные. Я не люблю мужчин с серыми блеклыми глазами, они выглядят, как снулые рыбы. У родителей в театре таких полно. И пусть они хоть заизображают страсть на сцене, я им не поверю. Нос тонкий, прямой, с чувствительными крыльями, они начинают дрожать, когда он сердится. Не тонкие, но и не пухлые губы, в самый раз, он все время улыбается, словно ненормальный, даже когда ведет машину, но ему идет...

– Ты о ком? – нахмурилась Ариадна, ее стало несколько беспокоить, что у воспитанницы в таком нежном возрасте стал просыпаться интерес к противоположному полу. Да ладно бы та стала интересоваться мальчиками из своего класса, так ведь нет, ее привлекали друзья родителей. А теперь вот Тим. Ариадна ни на секунду не усомнилась, что Таня говорила именно о нем, больше просто не о ком, да и довольно точно описала его внешность. И когда только успела рассмотреть так подробно?

– Тимофей появился в поле нашего зрения, когда мы остро нуждались в помощи, – произнесла Татьяна, – и повел себя, как демиург.

– Ты неправильно употребила слово, – хмыкнула недовольно Ариадна. – В данном случае лучше просто сказать «бог», но правильней «герой», так как на самом деле ничего божественного он не совершил. Да, он потратил на нас немного денег и времени, и теперь мы его должники.

– Ты не совсем права, – Таня часто вступала в споры с няней, особенно тогда, когда дело касалось ее поведения, но сейчас она просто не смогла промолчать. – Деньги ладно, а вот время стоит гораздо дороже денег. И ты должна это понимать. А давай, – она резко сменила тему, – пойдем, мультики посмотрим.

– Давай, – согласилась Ариадна. Спорить с воспитанницей о Тиме ей совершенно не хотелось. Впрочем, на мультики можно отвлечься, она их, особенно старые советские, любила. Расслаблялась под их наивную мораль, начинала смотреть на привычные вещи по-иному. Просмотр их избавлял ее и от глубоких депрессий, и от бессонниц, и от внезапных приступов беспокойства. Сейчас это было как нельзя кстати – встреча с Тимом внесла в ее душу разлад. А книжку можно почитать и непосредственно перед сном.

Они перебрались из библиотеки в гостиную и, сбросив туфли, с ногами забрались в кресла перед телевизором. Переключая детские каналы, Ариадна довольно быстро отыскала то, что им обоим хотелось посмотреть. Пара Ну-погодишек вызвали у них лишь негромкий смех, «Заколдованного мальчика» просмотрели в тягостном молчании, правда, песенку гнома пропели хором, а вот мультфильм «В стране невыученных уроков» вызвал у них ожесточенные споры. Таня начала горячиться и утверждать, что рассказ Лии Гераскиной гораздо интереснее мультика. Ариадна же настаивала на обратном – чего, мол, стоит одна фраза коровы «Фигушки, я плотоядная», а в рассказе этого нет.

– Знаешь, – неожиданно сказала Таня, – мне кажется, что Минотавру афинских девушек и юношей привозили не на съедение и растерзание, а для любви – по одной девушке и одному парню в год. Этого времени достаточно, чтобы узнать друг друга, присмотреться, чтобы понять, что они не пара. Он же не людоед плотоядный, в конце концов, как та корова из мультика.

Ариадну напугало, какой оборот принял безобидный, на первый взгляд, спор с девочкой о мультфильме, перешедший неожиданно на мифы, которые они собирались продолжить читать перед сном. Понимая, что Таня в чем-то права, обескураженная, смущенная, на грани обморока, Ариадна откинулась на спинку кресла. По большому счету, и возразить было нечего.

Действительно, зачем Минотавру убивать девушек и юношей? Они ничем не могли ему навредить – он был сильнее всех их вместе взятых. Месть за то, что его заперли в Лабиринте? Вряд ли. Он не собирался покидать свой дворец, тот со временем стал его домом. По крайней мере, в мифах об этом ничего не говорится.

– Ты была знакома с Тимофеем раньше, – изрекла Татьяна, возвращая Ариадну в действительность. Она не спрашивала, она утверждала. – Я не говорила ему, куда нас везти, и ты не говорила. Он знал...

Ариадна хотела солгать, но не стала – она не произнесла ни слова, лишь нервно завопила в кресле. Обсуждать Тима с воспитанницей у нее не было никакого желания. Ну, знал и знал, может, встречался где-то на светских раутах с родителями девочки.

– Ладно, – сказала Таня, – мультики мы посмотрели, пошли в спальню читать о богах и героях. Грядет время сна.

Повернув голову назад, Ариадна взглянула на настенные часы – те показывали половину десятого. У Татьяны отбой в десять, у них оставалось всего тридцать минут на вечернюю сказку.

– Сегодня читать про Минотавра не будем, – попросила Таня. – Давай обсудим Тесея и его подвиги. Он же был афинский царевич?

Ариадна пожалела, что не поменяла книгу на греческом языке, на что-то более понятное ей. В этом издании ничего не было написано о герое, приведена только одна картинка о его подвиге, где он расправлялся с разбойником Дамастом по прозвищу Прокруст. Но еще со студенческих времен она помнила, что Тесей, согласно Плутарху, подражал Гераклу, но этого было мало, чтобы рассказывать о герое Татьяне. Да, к уроку учительница не подготовилась.

Монотонным голосом Ариадна начала рассказывать что-то о выражении «прокрустово ложе», которое стало крылатым выражением.

– А почему сравнивали Тесея и Геракла? – перебила Татьяна няню.

– Насколько я помню, – пожалала та плечами, – Геракл казнил нападавших на него злодеев той же казнью, какую те готовили ему. И Тесей поступал точно так же – например, он вынудил Прокруста лечь на собственное ложе и укоротил его на голову, так как та свешивалась с ложа.

– Ничего не поняла, – удивилась Таня. – Он что, отрубил ему голову?

– Что-то вроде того, – ответила Ариадна и захлопнула книгу. – На сегодня хватит, – сказала она. – Завтра будет день и будут новые вопросы. А сейчас спать, уже десять.

В этом она была непреклонна – и Татьяна это знала.

По-хорошему надо было тоже идти в постель, день был невообразимо длинный, но Ариадна сначала спустилась в библиотеку, чтобы подобрать другую книгу с мифами. Собралась уже поставить предыдущую на греческом на место, но в последний момент передумала – в выбранной книге на русском языке не оказалось ни одной картинки.

Зажав книги под мышкой, Ариадна прохромала в гостиную, там на окне стоял стационарный телефонный аппарат, которым практически никто не пользовался, но с которого, пока непоздно, она собиралась позвонить Таниной бабушке и попросить ее приехать, чтобы посидеть с внучкой пару-тройку часов. Ариадне во что бы то ни стало надо было выбраться в город – обзавестись новым телефоном, взамен украденного, восстановить сим-карту. Она свой номер заблокировала, как только они с Татьяной вернулись домой после прогулки, но без телефона ей никак нельзя. И завтра с утра ее путь должен сначала лежать в салон связи. Можно было бы попросить свою бабушку купить ей и телефон, и симку восстановить, но та была зарегистрирована на ее, Ариадны, имя, поэтому свою проблему она должна решить сама.

К тому же надо было купить новую сумку – Ариадна предпочитала, чтобы все ее вещи находились в одном месте. Таня сказала бы, что кража ничему ее не научила. Научила, но она все равно не станет распахивать все мелкие вещи по карманам.

Ариадна решительно набрала номер Марины Ивановны, так звали Татьянину бабушку, и приготовилась выслушать длинную тираду о том, что та ее отвлекла от какого-нибудь важного мероприятия или процедуры. Но сейчас Ариадна была непреклонна – завтра ей обязательно нужно несколько свободных часов, чтобы переделать неожиданно возникшие дела.

– Слушаю, – раздался в трубке недовольный голос Марины Ивановны.

– Это Ариадна вас побеспокоила.

Она старалась говорить быстро и по делу, главное, успеть сказать Таниной бабушке до того, как та бросит трубку, что завтра с двенадцати до пятнадцати та должна, просто обязана, посидеть со своей внучкой. В конце концов, она, Ариадна, имела право на законные выходные. Только совесть не позволяла ей, как Федору, бросить все и уехать домой.

– Ты дерзишь мне? – опешила Марина Ивановна на том конце провода.

– Нет. Понимаете... – попыталась оправдаться Ариадна. – У меня сегодня украли телефон...

– Я не обязана отвечать за твое разгильдяйство, – проворчала Марина Ивановна, – у меня планы на завтра.

– У меня тоже, – упрямо сказала Ариадна. Она впервые была непоколебима. Может, она и дождалась бы родителей Танюши, но без мобильной связи ей никак нельзя – ни Федора вызвать, ни воспитанницу свою в гимназии разыскать. Больше, в общем-то, ей телефон ни для чего не нужен – не обзавелась ни друзьями, ни знакомыми.

– Не нравится, увольняйся, держать не станем, – сказала напоследок Марина Ивановна и прекратила разговор, нажав на «отбой».

– Ну и что мне делать? – вздохнула Ариадна, глядя на замолчавшую трубку. – Уволиться не проблема. А кто с Танюшей сидеть будет? Хотя...

Она прошла из гостиной в сторону своей спальни. А может, бросить все – денег она немного скопила, никуда ведь не тратила, пока жила в доме няней. Им с бабушкой хватить на некоторое время. А работу она найдет, в конце концов, педагогические навыки не утрачены, можно и в школу вернуться – учителей, как всегда, не хватает. Она все же повзрослела, правда, по-прежнему внешне мало отличалась от той девятнадцатилетней девчонки...

Как и ожидалось, Танина бабушка к двенадцати часам в коттеджном поселке не появилась, родители девочки тоже. Ариадне захотелось просто уйти, оставив Таню одну дома, ничего бы с ней не случилось, но она не могла поступиться принципами. Ребенок-то в чем виноват? Зачем вымещать на девочке свое недовольство ее родными, если тем совершенно нет до нее дела? Отец с матерью могли хотя бы позвонить и предупредить ее или няню, когда объявятся...

– Собирайся, со мной поедешь, – сказала Ариадна, стараясь придать своему голосу мягкость, точнее, убрать из него раздражение.

– Куда? – испуганно спросила Таня, отложив игрушки в сторону. Она не понимала причины, но видела, что няня чем-то недовольна. Это не из-за вчерашней кражи, всяко, вчера она была более-менее спокойна. Что-то произошло после того, как она, Таня, легла спать.

– В город, покупать мне сумку, телефон и восстанавливать симку, – вздохнув, ответила Ариадна. – Я предупрежу повара, что обедать мы с тобой не будем. В городе перекусим. А, вернувшись, поужинаем пораньше и поплотнее. Мы с тобой обе худенькие, – она с трудом улыбнулась, – нам можно.

– А деньги у нас есть? – жалобно спросила Таня и натянуто улыбнулась в ответ. У нее лично не было ни копейки. – У тебя же не только телефон, но и кошелек подрезали.

– Деньги у нас имеются, – кивнула Ариадна. – Но есть проблема – я ни одного номера не помню, чтобы такси заказать.

– Это я быстро разужнаю, – подскочила Таня на ноги, стараясь хотя чем-то помочь няне. Кто-нибудь в доме должен же знать номера вызовов такси...

Их высадили в центре города в сугубо коммерческом квартале, никаких жилых домов – салон по продаже автомобилей как новых, так и подержанных, несколько бизнес-центров, где в будние дни в основном обитал офисный планктон, а в выходные было тихо, станция техобслуживания, парочка недорогих ресторанов быстрого питания, салон связи, бутики. Одним словом, практически в одном месте Ариадна смогла бы приобрести все, что ей нужно, и вернуться домой гораздо быстрее, чем планировалось.

– Купи мне вредной еды, – попросила Таня, кивнув на вывеску «KFC».

– Пойдем, – согласилась Ариадна. Она и сама была не прочь перекусить – ее абсолютно вымотало хождение по лавкам в поисках подходящей сумки. – Иди, занимай столик.

В заведении народу было мало – все же выходной день, заходили только посетители бутиков и салонов. В будний здесь в обед, скорее всего, яблоку было негде упасть, не то, что найти свободный столик. Таня выбрала самое удобное место в арке рядом с окном, а Ариадна пристроилась в хвост небольшой очереди.

Она взяла в руки поднос со своим заказом и, повернувшись, чтобы отыскать глазами в зале Таню, столкнулась с насмешливым взглядом ярко-синих глаз.

– Добрый день, Ариадна, – проговорили растянутые в улыбке губы Тима. Он даже не споткнулся, назвав ее по имени, он не вспоминал, он не забывал его. А с Таней, похоже, была просто шутка, игра – Вот уже второй раз за последние два дня наши пути пересеклись.

– Да уж, – кивнула она, смущенно опуская взгляд в пол.

– А ты опять не одна, – Тим, не переставая улыбаться, осмотрел ее поднос. – Две порции картошки, две коробочки с наггетсами, два стакана с кокой-колой. А где Таня?

– У окна сидит, – предательски дрогнувшим голосом ответила Ариадна. Она хотела уйти, убежать от Тима, но не смогла.

– Ты когда-нибудь отдыхаешь от своей воспитанницы? – спросил он, ставя на ее поднос свой заказ, а потом забирая его у нее из рук. – Пойдем, нас девочка ждет. Вон рукой нам машет.

– А вы нас и сегодня отвезете? – поинтересовалась Таня, впиваясь зубками в зажаренную курочку и делая большой глоток колы.

– Нет, милый ребенок, – покачал головой Тим, – сегодня я занят.

Он развел руками.

– Работаю.

– Ты работаешь? Но сегодня же воскресенье... – Ариадна удивленно приподняла бровь. Ладно, она работает по выходным и без выходных, но Тим. Его ответ ее сильно удивил.

– Если ты помнишь, я специализировался на детской психологии, – невозмутимо отозвался тот, продолжая с аппетитом поглощать свой обед, – мои клиенты весьма занятые люди, который могут приводить своих проблемных, но при этом обожаемых, чад только по выходным. А я отдыхаю только в те дни, когда нет приема, как, например, вчера. За последний год, – он поднял взгляд насмешливых глаз к потолку, словно проверяя, что он не ошибся в расчете времени, – это была первая суббота, когда я не работал. Да, кстати, – Тим залез в карман пиджака и извлек оттуда визитную карточку, – запишитесь с Татьяной на прием. Я чувствую, вам тоже нужна психологическая помощь – вы слишком заиклены друг на друге. Особенно ты, Ариадна.

Он прожевал последний наггетс, запил его остатками кока-колы и, поднявшись, молча направился на выход.

Таня с Ариадной проводили Тима взглядом, пока тот не исчез в дверях. Он так ни разу не обернулся, чтобы махнуть им рукой на прощанье.

– Как ты думаешь, няня Аря, – Таня рассеянно покрутила в руке визитку с золотым тиснением, – прием у него стоит дорого?

– Думаю, что да, – ответила та, не отводя глаз от входной двери и надеясь, что Тим вернется.

– Я устрою истерику родителям, когда они вернутся, – предложила Татьяна, – мама с папой заволнуются, примутся искать психоаналитика. А тут я с визиткой Тимофея.

Ариадна улыбнулась и покачала головой: – Они тебя быстренько раскусят, и нам с тобой тогда точно ничего не обломится.

– Фи, няня Аря, – весело рассмеялась Таня, – что за выражения?

– Я первая к нему схожу на прием, – серьезно произнесла Ариадна. – Присмотрюсь, что да как, а потом уговорю твоих родителей показать тебя Тиму, то есть Тимофею, если ты хочешь.

– Прокрустово ложе, – не менее серьезно тон в тон ответила ей Татьяна.

– Что? – нахмурилась Ариадна, не поняв ее мудрую мысль.

– Одна из логических ошибок, означает желание подогнать что-либо под жесткие рамки или искусственную мерку, иногда жертвуя ради этого чем-нибудь существенным, – выдала Таня заученную наизусть фразу. – Твой Тимофей не понимает, что мы не заиклились друг на друге, а просто любим друг друга. Любим, – повторила она по слогам последнее слово.

У Ариадны задрожали губы.

– И все же я схожу к нему на прием, как появится возможность, точнее выходной, – сказала она, как только справилась с волнением. Она не ожидала подобных слов от девочки...

Тимофей остановил свой «мерседес» рядом с забором, выкрашенным зеленой краской, но мотор не выключал. Он не спешил выходить из машины – дома его все равно никто не ждал. Он положил руки на руль и задумался. Память упорно возвращала его к событиям двенадцатилетней давности. Тимофей нашарил в «бардачке» зажигалку и початую пачку сигарилл, щелчком выбил одну, долго раздумал прикуривать или нет, потом все же щелкнул зажигалкой. Случайная встреча с Ариадной перевернула все внутри него. Похоже, ему самому требовался психоаналитик. Он вздохнул и затаился, огонек почти не осветил его задумчивые глаза. Искал ее, но она как сквозь землю провалилась, и ее бабушка никак не желала говорить, куда подевалась Ариадна.

А тут случайная встреча – вторая за два дня, словно судьба проверяла его решимость.

Тим нашел ее несколько лет назад в поселке Орехово, но так и не рискнул заговорить с ней. А она ушла от него тогда, просто не заметив. Почему не уйдет сейчас? Он не был ни в чем уверен.

Тимофей затушил недокуренную сигариллу – легче ему не стало, только появилась противная горечь во рту. Он вылез из машины, распахнул створки ворот, собираясь загнать автомобиль во двор.

Надо на что-то решаться. Но потом покачал головой – нет, пусть теперь она ищет с ним встреч. Он устал от неопределенности. Пусть Ариадна сделает первый шаг навстречу, как тогда двенадцать лет назад.

Глава 4

Марина Ивановна, Танина бабушка, так и не появилась в воскресенье, она даже не позвонила.

«Ну почему ни ей, ни родителям нет никакого дела до Танюши?» – раздраженно подумала Ариадна.

Она лежала на спине и пялилась открытыми глазами без сна на потолок своей спальни. Теперь ее мысли наконец повернулись к девочке. Перед сном она механически прочитала Тане о совершенных подвигах Тесея, пока тот добирался до Афин. Но заставь ее повторить прочитанное, не смогла бы вспомнить ни слова, так как все время думала о Тиме.

Что она о нем помнила? Двенадцать лет назад, когда с ним встречалась последний раз на выпускном, он был интеллигентен, добр и щедр, по крайней мере, так о нем все говорили. Судя по всему, эти качества он не растерял до сих пор. Но при всех этих положительных моментах он был изощренным циником, злым на язык, правда, его цинизм и злость смягчала неизменная улыбка и отменное чувство юмора. И еще он никогда не шутил по поводу нее и никому не позволял касаться в разговоре ни ее хромоты, ни раздвоенной губы, даже вскользь, когда, казалось бы, по делу. Это было своего рода табу на их курсе. Она была ему за это бесконечно благодарна, так как порой позволяла себе забыть о своей убогости, как сейчас при общении с Таней, и становилась, как все, обычной студенткой педагогического колледжа. Как все.

Все эти годы ей не хватало Тима, чтобы снова ощущать себя, как все. Теперь она обязательно с ним встретится, позвонит ему, как появится свободное время. Он ей нужен, как воздух, даже больше. Ариадна запомнила номер рабочего телефона Тима, лишь мельком взглянув на визитку. Забрать же клочок картона с тиснением у Тани не получилось – та долго смотрела на него с любовью во взоре, ласково проводила по нему своими тоненькими пальчиками, особенно по тому месту, где было выдавлено имя, а потом спрятала. Впрочем, Ариадна разыскала бы теперь Тима и без его визитки и телефона, она запомнила место, где он мог работать. Обойти офисы в бизнес-центрах не так уж и сложно, всяко, кто-нибудь да слышал о детском психоаналитике.

Что она хотела от Тима, Ариадна еще не решила – просто услышать его голос, просто поговорить. Ей так не хватало общения – Таня не в счет. Она еще девочка, ребенок. С бабушкой тоже не всегда удавалось поговорить за жизнь. Та продолжала относиться к ней, как к девятнадцатилетней, когда та искала работу, считала, что она совершенно не знает жизни. В чем-то, конечно, бабушка права. Жизни Ариадна не знала, не нюхала.

Да и откуда? За все те годы, что Ариадна служила в доме няней, ей ни разу не задержали жалование – финансовые проблемы ее не волновали. У нее не засорялась канализация, не текла крыша – бытовые проблемы обходили ее стороной, она даже не знала, как вызвать сантехника. Она никогда не ломала голову, что съесть на завтрак, как, впрочем, и на обед, и на ужин – ела то, что подавали, была непривередлива. В ДТП на «мерседесе», даже в самое маленькое, ни разу не попадала за все время. По большому счету, что происходило за высоким забором коттеджа на Сиреневой улице, ее не касалось никаким боком.

И с воспитанницей ей повезло – Таня росла ласковой, покладистой, в меру балованной, в меру капризной. К ней Ариадна всегда могла найти подход. У нее была только одна проблема – отсутствие выходных. Но если разобраться, у мам выходных не бывало. Почему тогда у няни они должны быть?

Бабушка и та за все те годы, что Ариадна жила в чужой семье, хлопот ей не доставила. За одиннадцать лет лишь единожды серьезно заболела, но Ариадне не пришлось просиживать возле постели больной денно и ночью – старушку вовремя увезли в больницу на «скорой». Нет, она бабушку навещала ежедневно и передачи приносила, но это ей практически ничего

не стоило – повар готовил что-нибудь вкусненькое, Федор отвозил ее до больницы и привозил обратно, а домработница соглашалась задержаться на часок, чтобы присмотреть за Танюшей.

В ее полном распоряжении находилась шикарная библиотека – родители Тани редко туда заглядывали, а также своя спальня в доме. В бабушкиной квартире ее комната была гораздо меньше – и та была не только спальней, но и гардеробной, и кабинетом, и библиотекой. А в коттедже у нее все отдельно.

Одним словом, у нее все складывалось слишком хорошо, чтобы жаловаться на жизнь. А если чем-то Ариадна бывала недовольна, ее бабушка говорила, что она зажралась...

Родители девочки как ни в чем не бывало объявились только в среду вечером. Они сбросили верхнюю одежду, пахнущую грибами и костром, прямо в холле.

– Мама, папа, – радостно заверещала Таня и, перепрыгивая через ступеньки, помчалась им навстречу. Она хотела обнять мать, запрыгнуть на отца, но те отстранились от нее.

– Угомонись, – недовольно поморщившись, хотя до этого улыбалась, попросила мать Тани. – Нам надо помыться, привести себя в порядок. Мы провоняли костром и лесом.

«Как можно провонять лесом?» – усмехнулась Ариадна. Она стояла на лестнице, сложив на груди руки, и внимательно наблюдала и своими работодателями и их дочерью.

– Где вы были так долго?

Таня, смеясь, продолжала прыгать вокруг родителей, но уже не прикасалась к ним.

– Есть одно прекрасное место, – ответил отец Тани и щелкнул ее по носу, – на берегу реки. Там в сосновом бору стоят деревянные домики – база отдыха. Мы провели на этой базе незабываемые дни, целую неделю находились в состоянии эйфории и ни о чем не думали.

– А я? Почему без меня?

Таня остановилась, перестав прыгать. Крепко зажмурив глаза, она пыталась сдержать слезы, но они безудержно потекли по щекам – родители отдыхали без нее, а обещали, что в отпуск поедут только с ней. Как так можно?

– Ариадна, немедленно уведи ребенка, – с истеричными нотками в голосе приказала мать Тани. Она с самого рождения дочери не выносила ее слез и плача – сама сразу начинала нервничать.

– Хорошо, Маргарита Павловна, – кивнула Ариадна и, держась за поручень, стала осторожно спускаться вниз – палка бы ей сейчас не помешала, чтобы отходить родителей Тани по спидам.

Ей самой хотелось кричать, истерить, говорить им гадости, они жестоко обошлись не только с ней, Ариадной, но и со своей дочерью. Могли позвонить, предупредить, она подобрала бы слова, успокоила бы Таню еще до их возвращения.

А они тоже хороши, особенно отец девочки – прекрасное место, незабываемые дни, состояние эйфории, другого ничего не мог придумать.

Она никогда не называла его по имени, ни вслух, ни в мыслях, не зная, как к тому обращаться – по паспорту он носил одно имя, на сцене же совершенно другое, а так как в компании его коллег-артистов она не бывала, то и не знала, как его обычно называли. Марина Ивановна обращалась к своему зятю исключительно по фамилии – Зюзин.

– Пойдем, – Ариадна взяла Таню за руку.

Та виновато опустила голову и поплелась за няней в библиотеку – до отбоя еще рано, а так бы родители вообще в спальню не отправили в наказание за слезы.

– Про Минотавра читать будем? – осторожно спросила Ариадна.

– Нет, – покачала головой Таня и всхлипнула. – Я сегодня не настроена на романтический лад. А про Астерия и... – она споткнулась на имени, осознав, что сестру чудовища зовут так же, как и ее няню, – Ариадну нужно читать, когда хочется любви.

– Любви... Да-да, именно любви, – кивнула Ариадна. – Нам с тобой очень не хватает любви. Тебе родительской, мне, – она хотела продолжить, что любви совсем другого плана, но не решилась сказать это девочке, – тоже родительской любви. Я их совершенно не помню. И все мои воспоминания о родителях основаны только на фотографиях и бабушкиных рассказах о них.

Для снятия напряжения и чтобы успокоиться, они по очереди с выражением почитали о подвигах Геракла – о них можно было читать в любом настроении. Посмеялись, пошутили, рассматривая откровенные иллюстрации в греческой книге, в основном прочитанное комментировала Татьяна, а Ариадна лишь кивала, витая мыслями, как и накануне, совсем в другом месте.

Стараясь не сердить родителей, спать Таня отправилась вовремя. Она почистила зубы, приняла душ, как требовала того мама, надела пижаму в угоду папе, тот считал, что его дочь уже большая и спать в одних трусиках, оставляя голой начавшую наклеиваться грудь, непозволительно.

Они придут пожелать ей спокойной ночи, а она вся из себя послушная даже сказку на ночь уже прослушала, чтобы спалось лучше, ждет их в постели.

Только ничего такого не случилось.

Из своей комнаты Ариадна слышала, как навзрыд ревела Таня, что-то негромко бурчал ее отец, а Маргарита Павловна истерично визжала. Слов было не разобрать, но становилось очевидно, что в доме не просто ссора, а самый настоящий скандал.

Ариадна с огромным трудом сдерживалась, чтобы не выскочить из спальни и не броситься на защиту воспитанницы.

– Ну почему, ну почему? – она, заламывая руки, хромала от кровати к окну и обратно. – Ну почему, – повторила она еще раз, – взрослые люди не могут найти общего языка с ребенком, маленькой одиннадцатилетней девочкой?

А потом все стихло.

Ариадна прислушалась – нет, все, действительно, успокоились.

Дверь спальни с грохотом распахнулась – в ярко освещенном коридоре стояла разъяренная, как фурия, Маргарита Павловна. Ее грудь часто поднималась и опускалась, она тяжело дышала, словно пробежала дистанцию на приличной скорости. Всегда безупречная прическа была растрепана. Руки тряслись. Она несколько раз попыталась сдуть прядку с глаз и одновременно успокоить дыхание, а потом, набрав полную грудь воздуха, зло прошипела: – Убирайся вон, прямо сейчас. Не желаю больше видеть тебя в моем доме.

– Что произошло? – растерялась Ариадна. Ей дают отставку? Прямо сейчас, среди ночи, без объяснений? Что она сделала не так?

– Мы тебе доверяли, а ты воспитала монстра, чудовище, – продолжила шипеть, как змея, Маргарита Павловна.

Ариадна потрясла головой. Это она говорит о своей дочери? Милой, ласковой Танюше?

– Я увольняю тебя, – продолжила Танина мать, – чтобы через час и духу твоего в доме не было.

Она топнула ногой, развернулась на каблуках и ушла, оставив Ариадну в полной растерянности. Она хотела свободы, покоя, чтобы ее хоть на миг оставили одну? Что же, получила все с лихвой – свободна от всего.

Как совсем недавно у Тани, слезы потоком заструились по щекам Ариадны. За что же так ее?

Она устало присела на краешек кровати, а потом, упав на нее ничком, крепко зажмурилась, но слезы все равно продолжали течь. Полежав так немного, она подождала, пока слезы высохнут. Потом встала, достала из шкафа свою дорожную сумку и стала скидывать в нее одежду. Вещей было немного – от старых тряпок Ариадна безжалостно избавлялась, часть

отвозила бабушке, в своей комнате хранила только то, что носила ежедневно. Ничего лишнего, хоть и прожила в доме одиннадцать лет – все уместилось в одной небольшой сумке.

Огляделась, проверяя, не оставила ли чего, набрала номер Федора.

– Отвези меня домой, – попросила Ариадна.

– Нет, – ответил он, – мне запретили. Вызывай такси.

Такси так такси. На том конце провода бодрый женский голос сообщил ей, что все машины заняты и в поселок Орехово за ней могут приехать только через час, не раньше. Это означало, что время ожидания такси не менее двух часов.

Ариадна ответила, что будет ждать, у нее все равно не было выбора, зато было время подумать, что она скажет бабушке. Первое, что пришло на ум, – отпуск. Мысль просто отличная – родители же Тани в отпуске, раз позволили себе целую неделю провести на базе. Почему бы им не уехать с дочерью за границу? Хотя какие осенью в театре отпуска, когда сезон только начался? Но пока бабушка сообразит, что почем, она успеет придумать другую причину, почему ей не надо возвращаться в коттедж.

Расстегнув сумку, Ариадна извлекла из нее шерстяной свитер, который собралась надеть под свою легкую курточку – что ни говори, но осень на дворе, хоть и до невозможности теплая.

Постепенно мысли от нее самой вернулись к Тиму – она не переставала думать о нем с той случайной встречи в кафе. Теперь она может записаться к нему на прием не тогда, когда ей удобно, а когда он сможет ее принять. Ариадна подозревала, судя по его костюму, сшитому явно на заказ, и дорогой машине, что дела у него идут совсем даже неплохо, и, скорее всего, Тим свободным временем, как и она совсем недавно, не располагал.

Она завтра прямо с утра ему позвонит и обо всем договорится, пока номер телефона помнила и не передумала. Со временем все могло случиться, а вдруг ей новая работа сразу подвернется? И станет не до Тима.

Ариадна тихонько прикрыла за собой дверь комнаты – Тане совершенно не обязательно знать, что она уходит. Стараясь не производить шума, осторожно спустилась по ступеням на первый этаж. Из прихожей забрала свою палку, накинула на плечи куртку, вышла из дома в ночь, не оборачиваясь, – Рубикон перейден, и возврата не будет ни при каких условиях.

Она бы вернулась, если бы ее позвали. Затолкала бы свою гордость куда подальше и пришла. Но ее не позовут – Танины родители не такие, особенно Маргарита Павловна, уж если она что-то сказала, то будет стоять на своем, пусть при этом тысячу раз не права. Ее никто не смог бы переубедить в обратном и отказаться от своих слов. Пожалуй, из их семьи только Марина Ивановна бывала порой более упертой. Но ее можно было простить – в свое время она занимала высокую начальственную должность, привыкла командовать людьми и твердо стоять на своем.

Ариадна вышла за ворота. Ветер рванул из ее рук сумку, задрал юбку до головы.

«Надо было надеть брюки, – подумала она, плотнее запахивая курточку. – Видимо, завтра осень повернет на зиму. Во всяком случае, дождь точно зарядит».

И она подняла взгляд на ночное небо без звезд и луны.

Неожиданно сверкнула молния, разрывая черноту ночи огненным росчерком. Ариадна непроизвольно зажмурилась.

«Гроза – это хорошо, – улыбнулась она, не открывая глаз. – И дождь смывает все следы. Гроза – к переменам».

А потом Ариадна погрозила кулаком еще одной вспышке молнии – окажись кто-нибудь рядом в эту минуту, то увидел бы в ее больших глазах совершенно несвойственную ей решимость...

Недовольная бабушка встретила Ариадну на пороге своей ярко освещенной квартиры – она ее ждала, несмотря на поздний час.

– Мне позвонила Мариночка, – сказала она и внимательно взглянула на внучку. – Тебя выгнали, как шелудивого пса.

Мариночка понятно – это Марина Ивановна, но при чем здесь шелудивый пес, Ариадна не совсем понимала. Она чуть не сказала, что бабушка неправильно употребила слово, но вовремя сдержалась – надо отвыкать от приобретенных привычек.

– Ты завтра же поедешь к Мариночке, бросишься ей в ноги и будешь умолять, чтобы она тебя взяла назад, – бабушка стояла на пороге и не собиралась пропускать ее внутрь квартиры.

– Отставку мне дала не Марина Ивановна, – устало произнесла Ариадна, – а ее дочь Маргарита Павловна.

– Тем более надо умолять Мариночку, чтобы тебя простили и взяли назад.

Ариадна покачала головой – к Тане она вернется лишь в том случае, если ее будут просить об этом, а не она станет кого-то умолять.

– Тогда тебе придется поискать другой дом, – бабушка захлопнула дверь прямо перед носом Ариадны, а следом она услышала звук задвигаемой щеколды.

Ариадна от неожиданности выронила сумку из рук – такого она не ожидала. Звонить в дверь бесполезно – если бабушка обиделась на нее, то это надолго, это раз, а, во-вторых, та потребует, чтобы Ариадна выполнила ее приказание и вымолила прощение у Марины Ивановны, а заодно и у Маргариты Павловны.

А чего она ожидала? От нее, как от Татьяны, требовали повиновения и только повиновения. Ее однажды уже выгоняли из дома, когда она пыталась сделать по-своему. И чем это закончилось? Все равно все стало по-бабушкиному. Она тогда была молода, глупа, без угла, без денег.

Молодость прошла, угла, как не было, так и нет, зато удалось скопить немного денег, чтобы снять этот пресловутый угол.

Тогда идти было некуда, и она вернулась, проведя несколько ночей в чужих засанных подъездах, так как только они оставались не заперты на ночь, уставшая до голодного обморока и упала бабушке в ноги. Та ее якобы простила, но при случае за малейшую, на ее взгляд, провинность всегда старалась напомнить о том случае и указать на дверь, но ни разу так и не выгнала больше.

Что произошло сегодня?

Ариадна постояла перед запертой дверью, прислушиваясь. В квартире ничего не происходило, не раздавалось никаких звуков.

Подхватив сумку, Ариадна шагнула на несколько ступенек вниз, но потом передумала и побрела на последний этаж, решив перекантоваться в родном подъезде до утра, здесь, по крайней мере, не воняло мочой и котами. Если бабушка и утром не пустит ее домой, то тогда она пойдет искать не только работу, но и жилье.

IV век до новой эры. Дворец царя Миноса на острове Крит.

Спрятавшись среди виноградника, Ариадна тайно наблюдала за процессией: афинских девушек повели в Лабиринт в сопровождении стражи, а потом все исчезли, как испарились, не дойдя до дворца. Она даже тряхнула головой, пытаясь избавиться от наваждения.

Выждав немного, Ариадна прокралась к тому месту, где примерно пропали афинянки и стражники, но ничего не обнаружила. Оставалось бежать только к главному входу в Лабиринт, чтобы выяснить, доставили ли красавиц до брата или еще нет. Отец ее не послушался, оставалась последняя надежда – упросить брата выбрать для начала одну девушку, остальных же заставить разбрестись по Лабиринту, а потом запереть их по одной в многочисленных комнатах дворца. Так будет всем лучше – И Астерию, и ей, и девушкам.

Но где искать брата?

Лабиринт, мрачная крепость из тяжелого, проверенного временем гранита с красивыми витражами из темного прочного стекла и массивными дубовыми дверями, обитыми металлом, встретила Ариадну недружелюбно.

Она достала ключ, который прятала только ей в известном укромном местечке недалеко от входа. Оглядевшись по сторонам, Ариадна отперла дверь и тут же юркнула внутрь, чтобы ее никто не заметил. В крошечной темноте нащарила масляную лампу, зажгла ее – сразу почувствовала себя уверенней. Она могла бы и не опасаться – брат даже в темноте не перепутал бы ее с афинянками, те были не только невероятно красивы, но и пахли совсем по-другому. Но она им не завидовала – не в красоте счастье. Что их ждет здесь? Семь лет скитания по темным коридорам...

В одном из поворотов мелькнула тень.

– Астерий, – негромко позвала Ариадна. Никто не откликнулся, но потом рядом из темноты сначала возникла бычья голова, а вслед за ней мускулистое тело. Несмотря на внушительные размеры, он не был неловок. Он двигался гибко и бесшумно.

Астерий подхватил Ариадну на руки и покрутил вокруг себя, она в последний момент успела нарисовать мелком стрелку на стене, а то потом долго бы выбиралась из Лабиринта.

– Отпусти, – запрокидывая голову от радости и смеясь, попросила она.

– Ни за что, – Астерий бережно прижал ее к себе своими могучими руками.

Она чмокнула его прямо в бычий нос.

– У меня к тебе дело, – сказала Ариадна и потрепала брата по кучерявой челке.

– Внимательно слушаю...

Астерий осторожно поставил сестру на ноги и послушно склонил рогатую голову.

– Пообещай мне... – попросила Ариадна, упершись в грудь брата ладонями и слушая биение его сердца.

Тот кивнул.

– К тебе ведут семь прекрасных дев, – сказала она и в свете масляной лампы увидела, как у Астерия удивленно вытянулась морда и округлились его телячьи глаза. Она улыбнулась.

– Что, всех сразу? – спросил он недоверчиво.

– В тот-то и дело, – кивнула Ариадна. – Отец не прислушался к моему совету, откликнись хоть ты. Распугай, разгони их по Лабиринту, выбери одну, постарайся очаровать ее, понравиться ей.

– Ага, – хмыкнул Астерий. – Как я могу ей понравиться? Как? – спросил он обреченно.

– Обнажи перед ней свое доброе сердце, – попросила Ариадна и руками провела по его мускулистой груди.

Тот покачал головой – только Ариадна не поняла, внял он ее совету или рассуждал о чем-то своем.

– Я постараюсь, – кивнул Астерий. Он резко обернулся, заслышав, как звякнул засов потайного хода.

– Тогда я со спокойным сердцем удалюсь к себе, – сказала Ариадна. Ей опасно оставаться долго в Лабиринте – ее могли хватиться и лишить радости встреч с братом. Чего ей стоило сделать запасной ключ от дверей, не хотелось бы, чтобы Дедал поменял замки. – По одной, – попросила Ариадна, – прикасаясь рукой к стрелке на стене, чтобы стереть ее и отправиться на выход...

Во дворец царя Миноса она не пошла, а вернулась на утес. Далеко в море шла гроза – сверкали молнии, доносились отдаленные раскаты грома, высокие волны накатывались на берег, морской ветер принес запах гнили, взметнул волосы девушки, сидевшей на утесе, поиграл ими.

Несколько дождевых капель упало на лицо Ариадны, она подняла лицо в темнеющее небо – оставаться дольше на берегу не имело смысла, надо было возвращаться во дворец, знакомиться со своими будущими женихами.

Под присмотром матери ее красиво причесали, облачили в нарядный пеплос – принцесса должна выглядеть подобающим образом, – медленно, чтобы хромота была меньше заметна, ввели в пиршественный зал и усадили на высоком кресле. Ариадна немного нервно огляделась по сторонам – среди присутствующих в зале она не увидела вновь прибывших.

– Не волнуйся, – царь Минос, подойдя к дочери, провел пальцами по ее руке.

Ариадна испуганно вздрогнула, но позволила себе улыбнуться.

– Сохраняй серьезность, – строго приказала Пасифая, – и тогда никто ничего не заметит. И не крути головой. Афинских юношей переодевают и приводят в должный вид. Скоро они предстанут перед твоим взором – и не они, а ты, и только ты, будешь выбирать. Запомни это – выбор за тобой.

Глава 5

Наше время.

Серое осеннее утро никак не желало наступать.

Ариадна устала сидеть на каменных ступенях подъезда, но движения в доме по-прежнему никакого не было – не хлопали привычно двери, не раздавались шаги и голоса. Она вытащила из сумки несколько вещей, чтобы не так было холодно и жестко. На часы старалась не смотреть. Чтобы как-то скоротать время, Ариадна сначала про себя, а потом негромко вслух стала декламировать стихи и петь песни, которых знала очень много – от детских до пошлых, бульварных и тех, которые поют заунывными ломающимися голосами подростки под гитару.

– Город в мраке сутулится, где-то плещется в улице твоих глаз море синее в берегах любви, – выводила она тоненьким голоском, стараясь при этом не разбудить соседей своей бабушки. Не хватало, чтобы ее попросили покинуть площадку, где она сидела, и спуститься ниже.

С чердака раздалось заунывное мяуканье кошки – то ли та подпевала, то ли требовала прекратить пение, Ариадна не поняла. Она поежилась и, подняв голову, посмотрела на закрытый на висячий замок люк, ведущий на чердак. Кошек она боялась до смерти – у тех на нее были неадекватные реакции. Бабушка, правда, пыталась убедить Ариадну, что кошки пытаются ее всего лишь лечить, но ей совершенно не нравилось, когда те ложились ей на грудь или на шею. Она начинала задыхаться, хватать ртом воздух, но кошку не скидывала, боялась, как бы та в доверок ее не поцарапала или укусила.

На всякий случай Ариадна петь все же прекратила и, не выдержав, достала телефон, чтобы взглянуть на часы и позвонить бабушке.

Одна из четырех дверей на площадке открылась, выпуская девочку лет одиннадцати, как Таня, подумала Ариадна, и мальчика лет восьми с рюкзаками за спиной.

– Здравствуйте, – улыбнувшись, произнесла негромко девочка. – Ваша бабушка спит и не слышит, как вы звоните?

Ариадна кивнула.

– А вы к нам зайдите, – предложила девочка, и придержала дверь, – подождите немного, а потом еще раз позвоните. Родители в отъезде, а наша бабушка все равно уже не спит, так что вы никому не доставите беспокойства.

Отказываться от приглашения Ариадна не стала – она устала, хотела пить и в туалет одновременно. Уже подумывала, к кому лучше попроситься. А тут, можно сказать, такая удача.

– А-а-а, Ариадночка, – протянула соседка Нина Петровна. Она догадалась и несколько не удивилась, что ночь девушка провела не в мягкой постели, а на лестнице – ее бабушка отличалась жестким характером, если не сказать, жестоким. – Проходи. Чайку попьем, я оладушков напекла.

К своему стыду Ариадна поняла, что и от завтрака отказаться не сможет. Более того, съест с аппетитом все, что ей предложат.

– Ты ешь, ешь, – соседка подкладывала и подкладывала ей в тарелку оладьи с курагой и изюмом. – Сметанку бери, густая, как нынче говорят по телевизору, термостатная.

«Развод доверчивых покупателей», – улыбнулась Ариадна, но сметаны щедро добавила, несколько не стесняясь.

– А теперь рассказывай, – приказала Нина Петровна, подливая и госте, и себе ароматного чая, настоящего на травах, и выставляя на стол вазу с шоколадными конфетами.

– Да и рассказывать-то особенно нечего, – пожалала плечами Ариадна, беря в руки «Метелицу». – Меня уволили, а бабушка требует, чтобы я пала ниц и просила прощение неизвестно за что.

– Это должно было случиться, – многозначительно заметила соседка, от таких, как Нина Петровна, ничего не утаить – они всегда все знают и имеют на все свое мнение. – Сколько лет уже твоей воспитаннице?

– Одиннадцать, – ответила Ариадна.

– Большая уже, как моя Инночка, – улыбнулась соседка, – и вполне может обойтись без няни.

– Наверное, – кивнула Ариадна. Она не стала рассказывать все детали своего увольнения, это лишнее, Нине Петровне совершенно не обязательно это знать. А если бабушка решит поделиться с ней семейными секретами, то это уже ее личное дело.

– И что думаешь делать? – Нина Петровна проявляла к Ариадне неподдельный интерес.

– Пойду искать работу, встану на биржу, – ответила та, беря из вазочки еще одну конфету. – Если бабуля домой не пустит непослушную внучку, что вполне вероятно, то придется искать еще и угол.

– Угол, – неожиданно активизировалась соседка. – Угол... Ариадночка, – проговорила она вкрадчиво, словно вопрос о том, что девушка будет снимать жилье, уже решен, – а не хочешь мою квартирку снять. Много не попрошу. Мои на заработки за границу подались, год их не будет, я временно совсем сюда перебралась. А за квартирку боязно, как бы чего не вышло. А ты бы там пожила, последила. А? Пятнадцать в месяц меня вполне устроят.

Ариадна тихо крикнула – вот тебе и недорого. Она планировала снять комнату не дороже шести тысяч рублей, но, видимо, стресс и бессонная ночь сыграли свое дело, и она неожиданно согласилась на предложение. А, может, это и к лучшему, что все так повернулось.

Она протянула руку.

– Что? – не поняла ее Нина Петровна.

– Ключ и адрес, – ответила Ариадна. – Хочу взглянуть на вашу квартирку перед тем, как отдам за нее деньги.

– Да-да, – засуетилась соседка. – Сейчас, моя хорошая. Квартирка уютная, чистенькая, недалеко от центра. Тебе понравится.

Она выложила на стол перед Ариадной связку ключей и клочок бумаги с написанным корявым почерком адресом.

– Бабушке только не говорите, – попросился Ариадна, – а то не только мне, но и вам не поздоровится. И вообще, вы меня не видели, я вас тоже. Я все-таки решила в вашей квартире задержаться на пару месяцев, больно уж место удобное – недалеко центр города, пока буду искать работу, на транспорт тратиться не придется. За деньгами можете прийти завтра ближе к вечеру.

– Да-да, – радостно закивала Нина Петровна. – Сколько проживется, столько и живи. Заплатишь по факту, не надо мне аванса.

Ариадна улыбнулась – а это уже хорошо...

Как и пообещала бабулька с последнего этажа, квартирка оказалась маленькой, но невероятно уютной, расположена была, правда, на первом этаже. Из-за этого, видимо, и переживала Нина Петровна – как бы кто не забрался. Мебели мало, ее просто ставить было негде на тридцати метрах: в крошечной прихожей лишь вешалка для пальто и зеркало, на кухне – парочка шкафов на стенах и тумбовый стол с холодильником, обедала хозяйка, похоже, в комнате за старинным круглым столом, сидя на старом венском стуле. У них с бабушкой тоже когда-то были такие стулья. Ариадна поежилась от воспоминаний – лучше об этом не думать. Дивана не было – его некуда было ставить, а спала Нина Петровна на кресле-кровати, на этом предмете мебели, когда он находился в собранном состоянии, забравшись с ногами, вполне можно было отдыхать с книжкой в руках или смотреть телевизор. А вот шкаф-купе во всю стену оказался на удивление вместительным, хоть и не очень глубоким. На полу ковер с длинным ворсом. Живи да радуйся – только дороговато.

Одна только вещь в этой квартире оказалась, как не из этого мира. Ариадна протянула руку к старинным ходикам, растянувшим стрелки по циферблату, застыв на шести часах.

«Интересно, – подумала она, потянув за цепочку, чтобы завести часы, – это было утро или все же вечер?»

– Ку-ку, – откликнулась кукушка шесть раз и спряталась внутри своего домика.

Ариадна взглянула на телефон, чтобы перевести стрелки на часах и выставить правильное время, и тут же поймала себя на мысли, что хотела прямо с утра позвонить Тиму и договориться с ним о встрече.

– Слушаю, – раздался его завораживающий сочный голос. Он ответил сразу после второго гудка.

– Это я, Ариадна, – произнесла она почти шепотом. Голос предательски сорвался. – Хотела записаться на прием.

– Сегодня к шести тебя устроит? – спросил Тим.

– Вполне, – прокашлявшись, ответила Ариадна. Сердце, непонятно почему, бешено заколотилось в груди...

С трудом дождавшись вечера, Ариадна чуть ли не бегом отправилась в бизнес-центр, где находился кабинет психоаналитика Тимофея Кузнецова. Охранник на входе хмыкнул, оглядев ее, когда она поинтересовалась, на какой этаж ей нужно подняться. Ариадна сделала вид, что ей все равно, что о ней думает человек в форме, обязанный следить лишь за порядком и изредка отвечать на вопросы посетителей.

Осторожно постучавшись, она приоткрыла дверь и вошла в первую комнату, которая представляла собой своего рода холл, где посетители дожидались назначенного часа. Обычная приемная, ничего особенного, даже секретаря не было – на полу лежал бежевый ковер, стояли темно-коричневые кресла, на низком столике стопками лежали глянцевые журналы и детские книжки. Ариадна присела в одно из кресел и рассеянно принялась листать журнал, как она говорила, стала читать картинки.

– Проходите, – неожиданно раздался в помещении громкий механический голос, и над дверью, ведущей в другую комнату, замигала лампа.

Ариадна вздрогнула и негромко возмутилась: – Надо Тиму сказать, чтобы либо сам приглашал посетителей, либо помощник или помощница, так и Кондрашка может схватить.

Она поднялась с кресла, свою палку брать не стала и, прохромав до двери, открыла ее. Запутавшись в тяжелой портъере, с трудом попала в кабинет, где вел прием психоаналитик. Комната больше смахивала на будуар, чем на кабинет: на окнах и дверях – бархатные портьеры глубокого темно-синего цвета, такой же по оттенку кожаный диван, на котором должны были возлежать посетители-дети, и видимо, из того же гарнитура кресло для родителей – дети вряд ли одни посещали Тимофея Кузнецова.

– Садись, – предложил Тим, появившись неожиданно из-за одной из портьер.

Ариадна сначала посмотрела на диван, а потом перевела взгляд на кресло.

– Куда хочешь, туда и садись, – Тим заметил ее нерешительность и, подойдя к ней, протянул руку.

– Ложиться не нужно? – осторожно поинтересовалась Ариадна. Она в фильмах видела, что посетители разговаривали со своими психоаналитиками исключительно лежа.

– Не обязательно, – проговорил Тим, подводя ее к креслу и усаживая в него.

Тим говорил негромко, мягко, но голос его наполнял всю комнату.

– А где ты сидишь? – спросила Ариадна, откидываясь на спинку кресла и кладя руки на подлокотники.

– Я не сижу, а обычно стою за спиной посетителя, – ответил Тим, – мы смотрим с ним в одну сторону, так как должны видеть одно и то же.

– И что вы видите? – Ариадну разбирало любопытство – Тим не соответствовал тому образу психоаналитика, который у нее сформировался о людях этой профессии.

– Разное.

Ариадна его не видела, так как он переместился за спинку кресла, но почувствовала нутром, как Тим пожал плечами. Сеанс уже начался?

– Ко мне приводят детей разного возраста и к каждому я должен найти подход, иначе грош мне цена, – продолжил он. – Мы смотрим с ними телевизор, а потом обсуждаем, кто что увидел. Этот способ восприятия информации доступен и малышам, и подросткам.

– А как ты определяешь, что показать ребенку? – Ариадна не смогла удержаться от очередного вопроса.

– При первой встрече – визуально, а уже потом, как тот прореагировал на предложенный фильм. Ухоженные ногти, аккуратная по моде стрижка. Не удивлюсь, если ты регулярно делаешь педикюр, – перешел Тим к обсуждению Ариадны.

Та спрятала руки под себя.

– Мои работодатели считали, что их ребенка должны окружать люди с хорошим вкусом и аккуратные в быту. У нашего водителя, – Ариадна запнулась и замолчала.

– Ну-ну, так что там с вашим водителем? – Тим сделал вид, что не понял, почему его посетительница перестала говорить.

– Ты обращаешься со мной, как с ребенком... – Ариадна несколько не рассердилась на Тима. По себе и окружающим знала, что работа накладывает определенный отпечаток на манеры и речь.

– Ты сама относишься к себе со снисхождением, – парировал Тим.

– ...С таким маленьким глупым ребенком.

Она надулась и потупилась, не зная, о чем еще говорить или спрашивать.

«Обними меня, поцелуй меня, люби меня», – вдруг пришла ей в голову шальная мысль.

– Сколько времени у нас есть в запасе? – поинтересовался Тим. – Мне хотелось, чтобы ты пришла еще раз.

– Я до пятницы, как говорил Пятачок, абсолютно свободна, – ответила Ариадна.

– Но пятница уже завтра, – растерялся Тим. – Получается, у нас тобой совершенно нет времени.

Ариадна громко рассмеялась.

– Да-а, – протянула она, – ты все воспринимаешь буквально. Как и раньше, – добавила, продолжая смеяться. – А говорили, что у тебя отменное чувство юмора.

Тим тоже рассмеялся.

– А знаешь, – сказал он, – я ведь совершенно серьезно подумал, что у тебя только сегодня и завтра выходные, а потом ты снова отправишься на неопределенный срок в Орехово. У тебя работа, воспитанница, которой ты нужна ежечасно, ежеминутно.

– Меня уволили, – просто ответила Ариадна.

Раньше она думала, что будет тосковать по Тане, плакать, но на удивление слез не было. Была некоторая тревога, что с ней станет дальше, но не более того. Но это преодолимо – как только она найдет новую работу, перестанет все время думать о Тане.

– Так чего же мы тут с тобой сидим?

Тим возник перед Ариадной и протянул ей руки.

– Немедленно все закрываем и отправляемся в ресторан.

Но Ариадна отрицательно покачала головой.

– Для меня посещение ресторанов не по карману.

– Брось, – Тим подхватил ее под мышки и буквально потащил в сторону, противоположную от той двери, в которую она вошла. – Я угощаю, у меня сегодня весь день были богатые клиенты.

– Моя палка там, – попыталась сопротивляться Ариадна, искренне надеясь, что Тим застесняется передумает вести ее в ресторан.

Но он выпустил ее из объятий буквально на несколько секунд, исчез за портьерой и вернулся с ее тростью.

– Мы разве не туда пойдем? – спросила Ариадна, глядя на дверь.

– Нет, – улыбался Тим. – Мы выйдем совершенно в другую дверь, как все мои посетители – они никогда не сталкиваются друг с другом при входе и выходе. Многие хотят сохранить в тайне, что посещают психоаналитика, и я помогаю им в этом.

Он отодвинул рукой портьеру и легонько подтолкнул Ариадну к дверям.

– Подожди меня в коридоре, – попросил он ее. – Мне нужно все выключить и закрыть...

Она мало ела и много пила вина, видимо, сказывалась ночь, проведенная в подъезде, подспудно пыталась снять стресс.

Тим же отсутствием аппетита совершенно не страдал.

– Сколько раз в неделю ты посещаешь тренажерный зал? – спросила Ариадна, наблюдая, как после отбивной с гарниром он под бокал красного бордо умял мясную нарезку, а потом попросил официанта подавать десерт.

– У меня на такие глупости совершенно нет времени, – ответил Тим.

– Я удивляюсь, как тебе удастся сохранять форму, – Ариадна отправила в рот брокколи и приготовилась слушать.

– Работа не дает мне расслабляться, – улыбка не сходила с лица Тима. – Как психиатр, я обязан заставить найти внутри посетителя силы, в которых он так нуждается. Ты не представляешь, сколько это отнимает моих душевных, а особенно физических сил. Никакой тренажерный зал с этим не сравнится.

– Любая работа, если ей отдаваться сполна, выматывает до основания, до донышка, – заметила Ариадна.

– Чем планируешь заниматься? – спросил Тим, когда официант, принесший ему пирожное со взбитыми сливками, а Ариадне мороженое с орешками и медом, отошел от них. Он всегда себя контролировал и помнил, что обслуживающий персонал, хоть и делал вид, что им все равно, о чем говорят посетители за столами, но всегда все слышали и запоминали.

– Еще не знаю, – покачала головой Ариадна, размешивая ложечкой в крохотной чашечке кофе, которое подали к мороженому. – Передо мной давно не стояло никаких проблем. Даже не знаю, с какого бока к ним подступаться.

– Рано или поздно, но тебе все равно пришлось бы решать свои проблемы, причем самой. За тебя никто не смог бы этого сделать. Кстати, Татьяна, насколько я понимаю, уже полных одиннадцать лет. Ну, сколько еще времени тебя держали бы при ней? Год? Два? Максимум три...

Тим, сыто икнув, откинулся на спинку стула.

«Венский стул, опять венский стул, – поежилась Ариадна, – с круглыми ножками. Только у этого стула мягкие сиденье, подлокотники и подголовник».

Она начала волноваться – ужин подходил к концу. И что дальше? Они не могли взять вот так и расстаться. Тим ее повезет к себе, или напросится к ней на чашку чая?

– Хочется, чтобы проблем не было, как можно дольше, – отозвалась Ариадна, помолчав. – Бабушка вон до сих пор считает, что я не способна ни на что. Даже не так, она знает, что мне нужно.

– Когда любишь кого-то, то знаешь, – кивнул Тим. – Поверь, так и есть.

И посмотрел на нее слегка ословевшими от обильной еды и выпитого вина добрыми телячьими глазами.

IV век до новой эры. Дворец царя Миноса на острове Крит.

Афинских юношей, прибывших на Крит накануне, подвели к Ариадне по одному.

Она с невероятным достоинством, присущим настоящей принцессе, истинной дочери царя Миноса, выслушивала их пафосные приветственные речи. Ей порой хотелось истерично засмеяться, сказать какую-нибудь гадость в ответ. Но только присутствие рядом ее матери, Пасифаи, удерживало от поступка, недостойного принцессы.

«И где они только таких набрали?»

Ариадна изо всех старалась сохранять спокойствие или хотя бы не улыбнуться, чтобы ее реакцию не смогли неправильно истолковать.

«Они все невероятно красивые, но до невозможности глупые. Или все красавцы такие? Вместо того, чтобы тренировать ум, они тренируют только тело, чтобы оно по красоте не уступало лицу».

Скоро ей стало скучно. Она давно бы убежала в Лабиринт, чтобы удостовериться, что у Астерия все в порядке, и он читал мифологические баллады Антимаха выбранной красавице. Он хорошо это делал – Ариадна потратила на него много времени, чтобы...

Она виновато опустила голову. Мать, стоявшая рядом, тут же постучала кончиками пальцев по ее руке. Пришлось снова вскинуть голову, чтобы выслушать очередное приветствие. Какое уже по счету? Пятое...

На этого юношу следовало обратить внимание – он чем-то был похож на Астерия. Нет, силой и мощью им не сравниться. Ариадна судорожно пыталась понять, чем привлек ее пятый по счету афинянин. Она еще раз внимательно его осмотрела от сандалий до кудрей.

«А кудри-то не настоящие», – все же улыбнулась Ариадна. Каламистр, конечно, молодец, но слегка перестарался и слева завил более упругие локоны. Или справа от влажного воздуха кудри слегка развились. Хорошо еще, что парик из женских волос не напаялил пятый по счету юноша на голову.

Вот оно несовершенство этого мира – если в красивой голове хоть что-то есть, то на голове может ничего и не быть.

И все же этот афинянин ей чем-то понравился – он хорошо читал стихи и преданно смотрел на нее грустными телячьими глазами, как у брата.

– Он похож на Астерия, – негромко произнесла Ариадна.

Пасифая обрадованно едва заметно качнула головой, соглашаясь, пусть так – ее дочь впервые заинтересованно взглянула на мужчину, не на брата, не на отца, а на постороннего мужчину.

– Я его запомню, – добавила Ариадна, – его зовут Линкей. Пусть позовут следующего. Их осталось двое?

– Двое, – улыбнулась в ответ Пасифая. В душе она надеялась, что из семи прибывших юношей ее дочь выберет себе жениха. Они все достойные сыновья своих отцов. Ждать еще семь лет не хотелось бы.

Перед Ариадной вытянулся следующий юноша, совсем мальчишка. Даже Пасифая, поморщившись, на ухо предложила дочери не тратить время на него, а сразу пригласить последнего. Но Ариадна, покачав головой, взмахом руки велела парню продолжать. Афинянин закончил свою пафосную речь и, замолчав, собрался отойти от принцессы, но та остановила его рукой и потребовала подойти ближе.

Ариадна, раздувая ноздри, судорожно втягивала воздух, напоенный благовониями и ароматическими маслами.

– Что-то не так? – прошептала Пасифая.

– Все не так, – нервно произнесла Ариадна. Она положила руку на грудь, пытаясь унять отчаянно бьющееся сердце. – Приглашайте последнего.

Она сразу потребовала, чтобы юноша подошел к ней, как можно ближе. Пасифая заметила, что ее дочь и к этому афинянину совершенно откровенно принимает.

– Все, – махнула она рукой. – Завтра вынесу вердикт, сегодня я устала – вечер оказался долгим.

Ей надо было срочно покинуть зал – дальше танцы, а это не для нее.

Ариадна подошла к царю Миносу, стараясь меньше хромать.

– Отец, – она прикоснулась к его плечу, – один из прибывших юношей не юноша.

– С чего ты решила? – удивленно вскинул он брови.

– От шестерых юношей исходит пряный мускусный запах и майорана. А один пахнет, как девушка, розами и фиалками, – произнесла Ариадна. – Надо спасти Астерия – ему угрожает опасность.

– Глупости, – царь Минос рассмеялся в голос. – Астерию не могут ничем угрожать шесть девушек и один переодетый юноша, даже если ему вдруг удалось провезти на корабле оружие. Это было строжайше запрещено. Ну, в самом деле, подумай, Астерия голыми руками не победить. Предположим даже, что этот юноша оказался силен и победил в честном поединке Астерия, но из Лабиринта ему никогда не выбраться. До смерти он будет там блуждать.

– Меня не волнует этот юноша, – Ариадна была на грани истерики. – Я волнуюсь за брата и не хочу, чтобы его кто-то победил.

Глава 6

Ариадна не поверила Тиму, что когда кого-то любишь, то безоговорочно знаешь, что тому надо. Она любила Таню, но позволяла ей иметь свое мнение по тому или иному вопросу. Они часто спорили на отдельные темы, но она никогда не позволяла себе навязывать свое мнение девочке. Иначе это будет не ее, Танина, жизнь, а Ариадны.

Но с Тимом она спорить не стала – сказывалась выпитое, и у нее, она надеялась, будет еще время, чтобы доказать ему обратное. Сейчас она свободна, чтобы поступать, как заблагорассудится. Свободна... Ариадна повторяла это слово, как мантру, скрестив при этом пальцы, словно боялась лишиться этой свободы. Наверное, так и было – она все время от кого-то зависела. Сначала от бабушки, затем от своих работодателей. Ариадна никогда не называла Таниных родителей хозяевами даже в мыслях, словно боялась лишиться чего-то важного.

Пьяненько потрянув головой, она с рассеянной улыбкой взглянула на Тима.

– Пойдем домой? – спросил тот.

Ариадна неопределенно пожала плечами – домой так домой. Ее интересовало только одно, какой смысл он вкладывал в это слово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.